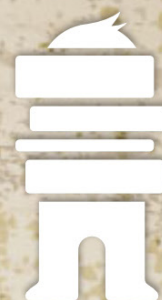

Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина
Отдел обслуживания читателей

Сердце, отданное детям

**дайджест, посвящённый жизни и творчеству
Николая Дмитриевича Наволочкина**

Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина

Отдел обслуживания читателей

Сердце, отданное детям

дайджест, посвящённый жизни и творчеству
Николая Дмитриевича Наволочкина

Хабаровск

2021

Составитель: О. А. Банковская, ведущий библиотекарь.

Редакторы: главный хранитель фондов Кузнецова Е.Ф.,

главный библиотекарь Копытин. С. М.

91.9: 83.3(2=411.2)

С 61

Сердце, отданное детям : дайджест, посвящённый жизни и творчеству Николая Дмитриевича Наволочкина / составитель О. А. Банковская ; редакторы: Е. Ф. Кузнецова, С. М. Копытин, Г. В. Пугачёва ; Хабаровская краевая детская библиотека им. Н. Д. Наволочкина. – Хабаровск, 2021. – 58 с. – Текст : электронный.

Дайджест содержит материалы, посвященные жизни и творческой деятельности писателя Николая Дмитриевича Наволочкина. Издание адресовано широкому кругу читателей: школьникам, педагогам, студентам, библиотекарям.

Уважаемые читатели!

Вы читаете дайджест – сборник статей об очень талантливом человеке – Николае Дмитриевиче Наволочкине.

Николай Дмитриевич – известный дальневосточный писатель, главный редактор журнала «Дальний Восток» (с 1977 по 1987 года), участник Великой Отечественной войны, автор рассказов, повестей и сказок для детей, стихотворений и книг об истории Дальнего Востока. Все, кто был знаком с Николаем Дмитриевичем, говорят о простоте общения с ним, его доброте и отзывчивости. Таким же светом и добротой пронизаны его детские произведения – проза и стихи. О том, как сложилась судьба писателя, как он писал свои произведения, чем увлекался и что думал о современном мире – об этом и многом другом вы сможете узнать из этого дайджеста.

Дайджест расскажет о многих гранях таланта писателя: им написаны детские книги, стихи, исторические труды, фронтовые произведения. Николай Дмитриевич увлекался нумизматикой и бонистикой, благодаря чему появилась книга об истории обращения денежных знаков на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. Произведения Николая Дмитриевича издавали на Дальнем Востоке, в Москве и Санкт-Петербурге. Книги писателя читают дошкольники и младшие школьники, которым интересны сказки, стихи, детские повести и рассказы, подростки и взрослые читают исторические романы и фронтовые стихотворения. Каждый в творчестве писателя найдет для себя что-то свое.

Дайджест состоит из трёх разделов: «О жизни», «Мировоззрение и увлечения» и «Литературное творчество». В разделе «О жизни» представлена статья, дающая общее представление о жизни Николая Наволочкина, ключевых её событиях. Также раздел включает воспоминания коллег Николая Дмитриевича, журналистов, которые дружили с ним, родственников. Каждая из статей ценна по-своему, каждый человек по-разному воспринимал встречу с Николаем Дмитриевичем, выбирал свои способы рассказать об этом и находил такие детали, которых могли не заметить другие.

Раздел «Мировоззрение и увлечения» состоит из интервью с писателем, а также статей, которые раскрывают взгляды Николая Дмитриевича. В разделе «Литературное творчество» вы найдёте обзоры книг, анализ творчества писателя, а также статьи об интересных литературных находках и образах в произведениях Николая Наволочкина.

Дайджест адресован широкому кругу читателей: библиотекарям, педагогам, студентам, школьникам. Материал издания может быть использован при подготовке к урокам, мероприятиям, в написании сообщений, рефератов, курсовых работ.

Раздел 1. О жизни

С детства он впитывал живую жизнь неповторимой природы – её пылающие краски и пленительные запахи, её шум, перезвоны и переплески, её пение, жужжание, лепет и стрекот... Из всего, что пережила равнодушная душа будущего писателя, родились стихи, поэмы, рассказы, повести и сказки.

Николай Кабушкин

Раздел содержит биографические сведения о Н. Д. Наволочкине и воспоминания людей, близко знакомых с ним. Здесь раскрывается хронология событий жизни писателя и важные детали биографии, которые помогают понять, как формировался характер талантливого человека, что подталкивало его к творчеству и многое другое.

Наволочкин Николай Дмитриевич. Биография в рамках проекта «Край замечательных людей». 2 сентября. Выпуск 31 // История и культура Приамурья. – 2013. – № 2. – С. 64–66.

Наволочкин Николай Дмитриевич (1923–2013) – дальневосточный писатель, главный редактор журнала «Дальний Восток» (1977–1987), участник Великой Отечественной войны, заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин г. Хабаровска, автор многочисленных рассказов для детей, книг по истории открытия и освоения Дальнего Востока, активный популяризатор литературы, дальневосточной истории. Едва ли найдется хабаровчанин, которому не знакомо имя Николая Дмитриевича Наволочкина. Едва ли найдется ли школа, в которой бы не была организована встреча с этим удивительно добрым и скромным человеком. Его высокую, худощавую, несколько сутуловатую фигуру часто можно было заметить в районе Детского парка им. А. П. Гайдара г. Хабаровска, на скамейках парка, где к нему подсаживались и взрослые, и дети, и часами длился разговор о жизни, жизненных ценностях и, конечно, о книгах и литературе. В последние годы жизни здоровье не позволяло ему вести активный образ жизни, но он всегда откликался на все приглашения. В зависимости от состояния здоровья бывал на встречах, вёл беседы, рассказывал о пережитом, комментируя настоящее. Ему всегда было, чем поделиться: он прожил большую жизнь, пережил многое.

Н. Д. Наволочкин родился 5 января 1923 г. в пос. Николаевка Смидовичского района Еврейской автономной области. Здесь же прошли его детство и юность, проявилась тяга к поэтическому творчеству. Первое стихотворение «Старая и новая школа» автора-пятиклассника было опубликовано в газете «Знамя пионера». Стихи Н. Наволочкина-старшеклассника стали появляться в областной и краевой газетах. Окончание школы совпало с началом Великой Отечественной войны. Он был призван в армию. В запасном полку окончил курсы радистов, и в конце 1942 г. с маршевой ротой выехал на фронт. Сержант Н. Д. Наволочкин прошёл боевой путь от Ельца до станции Садовне в Польше. Он был радистом 148-й отдельной роты связи в составе 193-й стрелковой дивизии, участвовал в Курской битве, форсировал реки Десну, Сож, Днепр, Буг. Первую свою награду – орден Красной Звезды – получил за один из первых своих боёв в марте 1943 г. в с. Кочетовка Курской области: вызвал огонь по танкам, ворвавшимся во двор дома, где находилась рация, подбил один из танков. Эти мартовские, а затем летне-осенние бои 1943 г. легли позднее в основу его повести «Шли радисты». В Польше Н. Д. Наволочкин был ранен и День Победы встретил в Новосибирске.

После демобилизации в 1947 г. возвратился на Дальний Восток, поступил на исторический факультет Хабаровского государственного педагогического института (ХГПИ). Стал бывать в школах, присматриваться к жизни ребят. «И вдруг как-то неожиданно, – признаётся сам поэт, – я написал сначала одно, потом другое, потом третье стихотворение для детей...». После окончания института (1951) Николай Дмитриевич восемь лет (1951–1958) работал редактором, затем главным редактором Хабаровского книжного издательства. Все эти годы он продолжал писать. Это были стихи о дальневосточниках, рыбаках, бакенщиках, о военных годах, личном восприятии Родины. Они составили первую его книгу «Дорогие мои земляки», вышедшую в 1953 г. В сборник вошла и его поэма о герое-земляке, связисте, студенте ХГПИ «Евгений Дикопольцев». Уже первые его произведения свидетельствовали о профессионализме автора. В 1953 г. он был принят в члены Союза писателей. Через год вышла его первая книга стихов для детей «На Амуре». В 1950–1970-е гг. почти каждый год в Хабаровске, Благовещенске, Магадане, Южно-Сахалинске выходили его книги с весёлыми и серьёзными стихами, рассказами, повестями для детей, которыми зачитывалось не одно поколение и которые

сегодня так же интересны современной детворе: «Зайка-художник» (Благовещенск, 1955), «Как Алёнка поила телёнка» (Хабаровск, 1956), «Песенка о друзьях» (Магадан, 1957), «Путешествие зайца Антошки» (Благовещенск, 1957; Южно-Сахалинск, 1959), «Грамотей» (Южно-Сахалинск, 1958), «Часики» (Хабаровск, 1958), «Золотые рыбки» (Хабаровск, 1959), «Приключения Пети Швырялкина» (Хабаровск, 1959), «К звёздам» (Хабаровск, 1960) и др.

В 1958 г. Н. Д. Наволочкин пришёл в журнал «Дальний Восток», в 1977–1987 гг. был его главным редактором. Несмотря на большую занятость проблемами журнала, он находил время для собственного творчества. Умение рассказывать интересно и непринуждённо, простота, владение устным словом полностью находят своё воплощение не только в стихах и сказках, но и в его прозаических книгах для детей, таких как «Как лечили Деда Мороза» (1960), «Жили-были ...» (1962, 1966), «Бор-Бос поднимает паруса» (1965, 1985), «Андрейка-путешественник» (1967), «Ребята нашего двора» (1970), где с его героями происходят забавные приключения, где порой действуют, говорят, размышляют сами животные, как герои повестей «Каникулы кота Егора» (1972), «Знакомые кота Егора» (1981, 1990, 2001). Такие добрые, смешные, умные повести мог написать только очень светлый человек.

Н. Д. Наволочкин не замыкался на создании книг для детей. Его перу принадлежат хорошие, исполненные любви к жизни, родной земле стихи для взрослых, юмористическая повесть «24 часа на щите» (1965). Жизненный опыт, воспоминания о войне дали возможность обратиться к военной теме. «Шли радисты» (1964) – это повесть о боевых товарищах, таких же радистах, каким он сам был на войне. В ней нет чётко очерченного сюжета, она скорее хроникальна, состоит как бы из отдельных звеньев-новелл и охватывает период войны с февраля 1943 г. по июль 1944 г. Военным годам посвящена и другая повесть «Жди ракету» (1968, 1973).

Увлечение писателя коллекционированием денежных знаков, имевших обращение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны и Дальневосточной Республики, привело к созданию книги-исследования «Дело о полутора миллионах» (1969, 1982). В 1979 г. вышла повесть «Забывтая история» о комиссаре просвещения Дальсовнаркома, народном учителе С. П. Щепетнове. Историческая тема была им продолжена в очерках «13-й линейный батальон и его командир» (1971) – об основателе г. Хабаровска капитане Я. В. Дьяченко и «Декабрист Михаил Бестужев на Амуре». Эти два очерка явились исходным материалом для написания исторического романа «Амурские вёрсты» (1974, 1977, 1978 и др.), рассказывающего о заселении и освоении Приамурья в 1857–1858 гг., о самоотверженном труде солдат-путьцев, закладывавших первые селения на амурских берегах. Книга написана на основе многолетнего изучения Н. Д. Наволочкиным исторической литературы, архивных документов, воспоминаний первостроителей, отчётов, материалов экспедиций исследователей Приамурья. Несколько лет он ежедневно работал в Хабаровской краевой научной библиотеке (ныне ДВГНБ), Хабаровском краевом архиве, краеведческом музее, чтобы изучить и в дальнейшем достоверно изложить исторические факты. Роман многократно переиздавался. Последнее издание вышло в хабаровском издательстве «Ковчег» в 2007 г. к 190-летию со дня рождения Я. В. Дьяченко. К этой же дате была издана книга «Главное дело капитана Дьяченко» (2007).

Среди книг Н. Д. Наволочкина, изданных в последующие годы: «После дождика ... в среду: были и небылицы посёлка Н» (1989, 2008), повести «По особым поручениям» (1997), стихи «Обратная связь» (2000), повесть-сказка для детей «Полудница Акуля» (2003, 2008), «Откуда течёт Морошка?» (2005).

Н. Д. Наволочкин, педагог и историк по образованию, – активный популяризатор литературы, дальневосточной истории. Его часто можно было встретить среди школьников, воинов, пограничников, ветеранов. Боевой и трудовой путь писателя отмечен многими наградами: орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Знак Почёта (дважды), медалями «За боевые заслуги», «За победу в Великой Отечественной войне» и др., польской наградой «Братство по оружию». Он – почётный гражданин г. Хабаровска, лауреат премии им. Я. В. Дьяченко, краевой награды «За заслуги» им. Н. Н. Муравьёва-Амурского, памятного знака «150 лет Айгунского договора». Ему присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». В 2007 г. Собрание депутатов Смидовичского района приняло решение о присвоении библиотеке пос. Николаевка Смидовичского района ЕАО, где работает литературный клуб «Николаевские чтения», имени писателя. Распоряжением Правительства Хабаровского края № 330 от 8 июня 2012 г. имя Н. Д. Наволочкина присвоено краевому государственному бюджетному учреждению культуры «Хабаровская краевая детская библиотека». Вся жизнь Николая Дмитриевича была связана с Дальним Востоком, и всё, что создал писатель за свою долгую жизнь, – это посвящение родной земле.

Следующая статья начинает череду воспоминаний о Николае Дмитриевиче. И, конечно же, первыми среди них будут воспоминания дочери писателя Светланы Николаевны Медведевой. Это совершенно уникальная информация о семье Николая Наволочкина, которая ни в одном другом материале не раскрывается столь полно.

Медведева, С. Н. Мой отец Николай Наволочкин / С. Н. Медведева // Культура и наука Дальнего Востока. – 2018. – № 1. – С. 12–17.

Для многих хабаровчан имя дальневосточного писателя Николая Дмитриевича Наволочкина знакомо с детства. Он создал замечательные произведения: «Каникулы кота Егора», «Полудница Акуля», «Шли радисты», «После дождика в среду», «Амурские вёрсты» и многие другие. Но для меня он, прежде всего, мой отец.

Мои первые детские воспоминания начинаются лет с трёх. Жили мы тогда с отцом и мамой в комнате с балконом с видом на Амур, в квартире с подселением на улице Волочаевской. Соседи, которые занимали вторую комнату, были хорошие. Родители с ними дружили. Отец работал в Хабаровском книжном издательстве (1951–1958). В то время он писал только стихи. Уже тогда, в 1950-х годах, у него вышел сборник стихов для детей «На Амуре». Потом родился мой брат Вова, который был на три года младше меня, и мы переехали в большую трёхкомнатную квартиру на улице Карла Маркса. В кабинете отца до сих пор стоит его большой письменный стол, доставшийся ему от прежнего хозяина квартиры и друга – писателя Николая Шундика (он уехал в Москву). Отец любил рассказывать, как он, разбирая стол, нашёл бутылку шампанского «Мадам Клико». Но я думаю, это он просто любил что-нибудь сочинить, чтобы не было скучно.

Отец обожал книги. Огромный стеллаж до сих пор стоит в его кабинете. И нам с братом он привил эту любовь. Мы никогда ничего не писали в книгах и не загибали страниц.

Про Николаевку

Мой отец родился в посёлке Николаевка на берегу реки Тунгуски в 1923 году. Там он окончил школу, там начал писать свои первые стихи, оттуда ушёл на фронт. И туда вернулся после войны. После поступил в педагогический институт в Хабаровске, где познакомился со своей будущей женой и моей мамой Верой Ивановной. Они вместе учились на историческом факультете. Отец тогда был редактором институтской газеты. В то время статьи в стенгазете писали от руки. А у моей мамы был хороший почерк. Её пригласили переписывать статьи. Там они и познакомились. Поженились родители ещё в институте. А на лето уезжали в Николаевку, где жили его родители.

Отец его, Дмитрий Николаевич, работал на деревоперерабатывающем заводе, мать – Софья Илларионовна, занималась домом и огородом. Мы очень любили туда ездить всей семьёй летом.

У отца было три брата: Юрий, Лев и Олег. Они жили со своими семьями неподалёку. Обычно мы приезжали в Николаевку в субботу. Все родственники тут же собирались на веранде деда и начинали обсуждать, в какое место на Тунгуске поехать на пикник. У братьев отца были моторные лодки, и они отвозили нас купаться.

Там же, на высоком берегу Тунгуски, отец как-то нашёл черепки – остатки древних кувшинов. Возможно, когда-то здесь находилось древнее поселение бохайцев.

Отец хорошо знал окрестности Николаевки. До сих пор в памяти сохранились названия: Филатовской залив – место вблизи деревни, куда он водил нас купаться, Самоянова протока – там мы собирали шиповник, Китайский залив (говорят, там раньше жил китаец) – туда мы ходили иногда за грибами. Позже, когда уже не стало деда с бабушкой, мы всё равно продолжали ездить с отцом в Николаевку. Он посадил новый сад: три груши, малину, смородину, иргу, жимолость. Мы до сих пор собираем урожай с этих деревьев. А ещё в нашем хабаровском дворе отец посадил рябину, которая была самой красивой на улице, осенью к ней прилетали коростели, а зимой снегири клевали ягоду.

Я думаю, именно в Николаевке отцу пришла мысль написать детские повести «Каникулы кота Егора», «Знакомая корова» и «Полудница Акуля».

Началось всё с кота Егора. Этот кот действительно жил у нас в городской квартире. А когда летом родители собрались с нами на отдых в Приморье, его отвезли в Николаевку, и вот эта деревенская жизнь кота описана в книге.

Приезжая в Николаевку, отец любил беседовать со своими родственниками и соседями. Сидя вечером на лавочке перед домом, они обсуждали все события. Отсюда и рождались его детские повести, которые он читал сначала нам с братом. Почти все персонажи его детских книг реально существовали.

Отец любил поработать в деревне. Всегда руководил копкой картошки. Мы обычно выезжали большой семьёй: отец, мы с мужем и дочерью, брат с женой и сыном. Рядом на соседних участках копали картошку родственники. Звучали смех и шутки. И это, казалось бы, не очень интересное занятие, благодаря отцу, превращалось в праздник. Он всегда считал, сколько ведёр мы накопили, и записывал, чтобы на будущий год сравнить.

Вечером все вместе, включая его брата Юрия с семьёй, за большим столом на веранде бабушкиного дома отмечали окончание сельхозработ, предстоящий ход кеты и вообще все события, случившиеся за лето.

Будучи уже в пожилом возрасте, отец любил просто сидеть в кресле на веранде, любоваться клумбой с цветами или наблюдать за скворцами, которые жили в скворечнике у его брата Юрия.

Про семейные традиции

Я помню, как на Новый год папа устанавливал ёлку. А до этого мы делали с ним ёлочные украшения: из картона вырезали колечки, соединяли их, обёртывали серебрянкой от шоколада, и получалась цепочка. Позже мы с отцом стали покупать игрушки в магазине. Они до сих пор у нас хранятся и напоминают о том времени, когда были живы мои родители. А традиция отмечать Новый год всей семьёй сохранилась у нас до сих пор. Отец очень любил выпускать домашние стенгазеты к Новому году с пожеланиями в стихах всем членам нашей семьи и гостям, которые приходили к нам в новогодние праздники. Родители у меня были очень гостеприимные, поэтому наши родственники и друзья очень любили бывать у нас. Кроме Нового года, мы всегда праздновали дни рождения всех членов семьи. И никто из нас не оставался без поздравлений в стихах, которые сочинял мой отец.

Про путешествия

Отец очень любил путешествовать. И иногда брал нас с собой. Первое путешествие всей семьёй мы совершили, когда мне было 7 лет. В то время ходил пассажирский теплоход до Благовещенска. У нас было две каюты первого класса: в одной жили мы с мамой, в другой – папа с моим братом Вовой. Теплоход шёл до Благовещенска три дня, делал остановки в деревнях, но особенно меня тогда поразило, что на противоположном нашему берегу были китайские деревни. Отец уже побывал в Китае с делегацией работников культуры и рассказывал много интересного. У него тогда вышел сборник стихов, посвящённый Китаю. В Благовещенске у нас была заказана гостиница. Мы прожили там три дня, гуляли по городу, потом так же теплоходом вернулись домой.

Следующая поездка, которую мы совершили всей семьёй, была в Одессу на Чёрное море, в Дом творчества писателей. Это путешествие оставило самые яркие воспоминания! Мы впервые летели на самолёте до Москвы, остановились в одной из лучших гостиниц – гостинице «Украина». А на следующий день отец повёл нас в Кремль. Мы увидели и Царь-пушку, и Царь-колокол, заходили в церкви на территории Кремля, и обо всём отец рассказывал много интересного

Пробыв в Москве три дня, мы поехали поездом в Одессу. Был май. Всё цело. Дом творчества располагался на берегу моря, на окраине Одессы. Это была конечная остановка какого-то трамвая. Нам там очень понравилось. Мы жили в одном из коттеджей в большой комнате с верандой. Мне было уже 10 лет, и отец учил меня плавать.

На море я впервые увидела крабов. Мы с братом их ловили и сушили на своей веранде, хотели их привезти домой. Но к нашему великому сожалению их сгрыз пёс по кличке Кочегар, который жил в Доме творчества.

Территория Дома творчества была большая, вся в цветах. Отдыхали там как украинские писатели, так и из других союзных республик. В то время наше государство называлось СССР. Ездили мы с родителями и в Одессу, гуляли по улице Дерибасовской, поднимались по Потёмкинской лестнице, были в археологическом музее. Родители, оба историки, с удовольствием нам обо всём рассказывали. В Одессе мы пробыли почти месяц.

В 1968 году мы с отцом ездили в Узбекистан и тоже жили в Доме творчества писателей. Сам он уже дважды до этого там побывал и в этот раз решил свозить нас с братом на фрукты. Дом творчества находился недалеко от Ташкента, между сёлами Дурмень и Кибрай. На его территории был бассейн, фруктовый сад с персиками, яблонями, виноградом. Нам выделили самую большую и хорошую комнату. Среди узбекских писателей у отца было много друзей. Они любили собираться вечером на айване (деревянный настил, застеленный коврами) над арыком, когда спадала жара. Пили много чая, иногда кто-нибудь из писателей готовил плов.

Вокруг Дома творчества были хлопковые поля. Там я впервые увидела, как растёт хлопок, и привезла несколько хлопковых коробочек в школу учителю ботаники. Чтобы мы с братом не сидели целыми днями в бассейне, отец предложил нам по очереди вести дневник. Сам он тоже с удовольствием принимал в этом участие. Каждый день мы должны были написать не меньше странички. Этот дневник сохранился до сих пор.

Прожили мы там месяц, ездили в Ташкент, Чирчик. Когда уезжали, директор дал нам с собой очень много фруктов из сада Дома творчества.

Отца часто приглашали в творческие поездки по союзным республикам. Он был в Туркмении, в Латвии, где встречался с Задорновым, автором романа «Амур-батюшка». Они были знакомы с тех времён, когда Николай Павлович жил в Хабаровске, долгие годы переписывались. Отец также был знаком с его сыном – Михаилом Задорновым, писателем-сатириком. Когда Задорнов-младший приезжал в Хабаровск, он приглашал нас на концерты. Именно Михаил Николаевич оказал содействие в выпуске книги отца, куда вошли «Дневник памяти» и «После дождичка в среду» (в этой повести все события тоже происходят в посёлке Николаевка). Двадцать экземпляров этой книги, по его просьбе, были отправлены в Ригу в библиотеку им. Николая Задорнова, которую основал его сын.

Ездил отец с творческими встречами и по Дальнему Востоку: в Приморье, Амурскую область, на Камчатку, Сахалин. С делегациями российских писателей бывал за границей: в Китае, Японии, Монголии. Особенно он вспоминал свою поездку в Польшу. Это была делегация писателей-фронтовиков, освобождавших Польшу. Их очень хорошо принимали. Там отцу вручили польский орден «Братенство брони» за освобождение этой страны. Он им очень гордился. Хотя, надо сказать, он не менее гордился всеми своими орденами и медалями.

Из поездок отец всегда всем привозил подарки. Себе почти ничего не покупал. Если бывал за границей, то всю валюту тратил на подарки для нас. Любовь отца к путешествиям передалась и нам, его детям.

У отца было двое внуков – Виктория и Юрий. Он с ними много занимался, ходил гулять, читал им. А когда внуки пошли в школу, помогал писать сочинения по литературе и готовиться по другим предметам. Отец говорил: «У нас домашний лицей». Вообще надо отметить, что отец очень любил детей, поэтому и писал такие добрые сказки. Сам он до глубокой старости оставался в душе молодым. Очень любил юмор. Все конфликтные ситуации старался обратить в шутку.

Про друзей

У отца было двое друзей, с которыми он дружил всю жизнь ещё со школы. Это Борис Мирошниченко и Василий Мельников. Конечно, у него были друзья и среди писателей и друзья, с которыми он познакомился во время учёбы в институте, но с Борисом и

Василием он поддерживал отношения всю жизнь. Вместе с ними он окончил школу в Николаевке, всем троим пришли повестки в армию в июне 1941-го, и вместе они проходили первую военную подготовку в городе Свободном. Там отец окончил курсы радистов и был отправлен на фронт. После войны они вновь встретились, только отец поступил в педагогический институт, а его друзья связали свою жизнь с армией, но в отпуск всё равно приезжали в Николаевку.

Частенько останавливались у нас со своими семьями. У них было по двое детей. Мы с братом всегда были рады их приезду, потому что в доме сразу становилось шумно и весело. Они писали друг другу большие подробные письма, поэтому мы тоже были в курсе всех событий...

Отец всю жизнь очень много работал. Долгое время он был заместителем главного редактора литературно-художественного журнала «Дальний Восток», а позже – главным редактором (1977–1987), поэтому писал вечерами, засиживаясь допоздна. Когда же он задумал свой роман «Амурские вёрсты», то много работал в Хабаровской краевой научной библиотеке, в архивах города Читы. Ему тогда удалось найти немало новых интересных фактов про основание Хабаровска 13-м линейным батальоном под командованием капитана Якова Дьяченко.

Роман «Амурские вёрсты» переиздавался много раз, в том числе в Москве. Отец также написал одноимённую пьесу по этому роману, которая была поставлена и с успехом шла в Хабаровском театре драмы.

Когда отца просили где-нибудь выступить, он никогда не отказывался. Особенно с удовольствием он общался со школьниками.

Статья – интервью с Николаем Дмитриевичем о разных аспектах и событиях его жизни. Художественное описание и интересные детали позволят глазами гостя увидеть писателя в домашней обстановке. Автор статьи – Пётр Гран – хабаровский поэт, писатель и журналист (настоящее имя Юрий Петрович Теряев).

Гран, П. Ваша светлость! / П. Гран // Хабаровские вести. – 2001. – 6 апр. – С. 5.

...Правда и в стихах порой важна:
Из двоих вас любит лишь одна...
Не заплачешь, как в немом кино...
И смешно, ведь, правда, как смешно.

Николай Наволочкин «Обратная связь»

В тот промозглый осенний день ветер дул из каждой подворотни, вдоль и поперёк улиц и площадей – отовсюду. Он лез за воротник, выворачивал подол плаща и щупал своей омерзительно-холодной влажностью ноги. <...> В Хабаровске всегда так, ветер дует, пока Амур не встанет, топорщась торосами, а как встанет, дыбясь на любителей подлёдного лова, начинает снова дуть, пока лед не тронется.

Ноги все же донесли меня до железной двери подъезда, где жил Николай Дмитриевич Наволочкин. Оказавшись в тепле лестничной площадки, я замер в растерянности: о чём я буду с ним говорить? Какие вопросы я смогу задать этому известному не только на Дальнем Востоке писателю, человеку, видевавшему в жизни несравнимо больше меня, а написавшему!.. Знал я его, как мне казалось, лет сто, хотя познакомились мы год с небольшим тому. Стоя в пролете между первым и вторым этажами, я закурил сигарету, и, стараясь умять мелкую дрожь в руках, глядел в окно на распоясавшуюся стихию...

Между тем время, назначенное Николаем Дмитриевичем для разговора, подошло. Поднявшись на площадку второго этажа, я позвонил, и через несколько мгновений лязгнул замок, дверь открылась.

– Раздевайтесь, – сказал Наволочкин, закрывая дверь.

От этих простых будничных слов, от его улыбки, которую он явно не приклеивал на свое лицо к моему приходу, стало светло и спокойно на душе. Прошло волнение, момент встречи предстал для меня еще более значимым.

Снимая и вешая плащ, я разглядывал хозяина. Пожилой худощавый человек в спортивном костюме, светлое улыбчивое лицо, откуда у меня это ощущение исходящего от него света (хотелось сказать ему: «Ваша Светлость!»). А он в это время говорил мне о том, какой хороший урожай удался нынче с грушами, как он укрывал малину на огороде в родной Николаевке.

– Прошу в кабинет, – сказал он, тронув меня за локоть.

Кабинет – прямоугольная комната напротив кухни – слева от двери книжный шкаф во всю стенку, направо – мягкий диван и еще один шкаф в простенке между входом и левой стеной. У единственного окна в шесть просветов – большой старинный, явно ручной работы стол, покрытый зелёным сукном с толстым стеклянным грифелем, пара стульев – вот и вся обстановка.

– Присаживайтесь, – сказал он мне, указывая рукой на диван.

Я неловко присел в диванную мягкость, да так, что пришлось откинуться на плюшевую спинку.

– Совсем забыл, – воскликнул Николай Дмитриевич, – посидите минутку, я чайник выключу. – И лёгким шагом вышел из кабинета.

Я невольно залюбовался рабочим столом писателя, за таким столом можно писать и писать, подумалось мне.

– Красивый стол, не правда ли? – спросил он, входя в кабинет с гжелевским разносом, на котором стояли фаянсовый чайник, чайная пара и вазочка с вареньем. – Грушевое, целебное, из груш, выращенных в сказочной стране моего детства с именем Николаевка. – Он посмотрел, что с дивана мне будет неудобно, предложил пересесть к столу, тому самому.

– Неловко как-то – рабочий стол.

– А... – махнул он рукой, – условности.

Мы стали пить чай, закусывая его терпким грушевым вареньем. Он начал говорить.

– Родился я через два года после взятия Волочаевской сопки, 5 января 1923 года. Произошло это в посёлке Николаевка Смидовичского района Еврейской автономной области – это теперь, а раньше – просто село. – Николай Дмитриевич хохотнул и посмотрел на меня лучистыми, несмотря на возраст, глазами. Затем махнул рукой... – Это всё вы можете прочитать в справочнике «Писатели Дальнего Востока»... Расскажу о другом, – он запрокинул слегка голову, всматриваясь в далёкое прошлое, затем неожиданно серьёзно посмотрел мне в глаза и сказал: «Вот теперь все стали хаять то время, в котором я прожил почти всю свою жизнь. Обидно, что всё то, что создавалось руками наших отцов, и нашими в том числе руками, всё то, за что мы проливали не чью-нибудь, а свою кровь, так огульно, так бездарно подминается под требование сиюминутного. – Он встал из-за стола и в волнении прошелся по кабинету. – И дело тут вовсе не в партийной системе... Я по «гражданской», не по писательской специальности, историк, поверьте, знаю многое, но... да что там!

Успокоившись, Николай Дмитриевич присел на диван. Улыбнулся.

– Значит, о детстве? Детство было светлым и радостным, несмотря на карточки. Нас спасал огород, причём огород был окружён колючей проволокой, снятой с траншей возле сопки Июнь-Корань. Играли мы в войнушку, рубя лозой придорожные лопухи. А сколько рыбы я ловил! Была у нас на селе школа, пионерская организация и никаких Павликов Морозовых! – Он поднял указательный палец, что-то вспомнив. – Расскажу вам примечательный факт. Когда нас принимали в пионеры, никак не могли достать красную кумачовую ткань – с тканью тогда было плохо. Так вот, нашли в одной семье красный ситец в белый горошек – так и носили потом эти галстуки в горошек.

– Николай Дмитриевич, а вы помните, когда написали своё первое стихотворение? – спросил я.

– Как же не помнить? С ним связана история моей первой любви. Была в нашем классе девчонка, смазливая такая. У меня дух захватывало. Звали её Надя Цыпаева. Ну, думаю, как бы её, как говорят нынче, «достать»? А я выпускал школьную стенгазету и уже кое-что пописывал, и написал я в честь неё стихотворение. – Он рассмеялся, покачал головой. – И что вы думаете, как она отреагировала?

Я недоуменно пожал плечами.

– А очень просто, – продолжил он. – «Хвастун», – сказала. Так-то вот, не поняла меня Джульетта села Николаевка. Кстати, – Николай Дмитриевич подошел к нижнему шкафу, недолго порылся на полке и протянул мне на удивление сохранившийся альманах, оформленный в стилистике довоенной поры. – Здесь напечатано мое первое стихотворение.

Пока я рассматривал альманах, Николай Дмитриевич смотрел в окно, улыбаясь чему-то.

– А дальше была война, война была. А на войне как на войне – окопы, грязь, смерть... Я связистом был. – Он оторвался от окна и повернулся ко мне. – Почему-то все думают, что связистам на войне проще, чем пехотинцам или разведчикам, а мы, связисты, всё время под пулями – тащишь бухту провода, а вокруг пули в грязь чмокают да свистят над тобой. – Он помолчал. – Но врагу не кланялись. – Николай Дмитриевич снова посмотрел в окно.

– Помню, как-то раз был я при штабе. Вдруг пошли вражеские танки, и вот мы, связисты и штабисты, отбили несколько танковых атак.

Война. А после неё я приехал на побывку в родное село в 1945 году, встретил Надю и спросил её: «Что ж ты тогда так?!». «Я думала, ты хотел похвастаться, чтобы понравиться мне...». Так-то вот.

Николай Дмитриевич отошел от окна и присел на стул.

– Впрочем, что это я все о грустном? После войны я поступил на исторический факультет Хабаровского педагогического института, а после окончания работал в книжном издательстве, затем в журнале «Дальний Восток», и книги, книги, книги. Поскольку у меня тяга к истории, то, как вы заметили, много книг я написал о временах освоения Дальнего Востока. Прошел войну – о войне.

– Николай Дмитриевич, я читал Вашу книгу стихотворений «Обратная связь», она мне правда очень понравилась, – сказал я.

– Но как она далась! Редактор – Михаил Феофанович Асламов. Вы должны знать, какой он требовательный, цепкий редактор. Мы с ним до хрипоты спорили о некоторых моментах, и всё же он оказался прав.

– Я думаю, это не последняя книжка?

– Работаю над новыми стихами для детей.

– Успехов Вам, Николай Дмитриевич, – сказал я вслух, а про себя подумал: «Счастья Вам, Ваша Светлость!».

Следующая статья написана Александром Чернявским – известным хабаровским журналистом, статьи которого ещё не раз встретятся в этом дайджесте. Материал посвящен «Дневнику памяти» – записям писателя о своей собственной жизни. Большой акцент сделан на события, произошедшие с писателем во время Великой Отечественной войны.

Чернявский, А. Дневник его памяти / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2008. – 3 янв. – С. 5.

«Бродит по дому, поскрипывая половицами, старик. Отражается то в старом самоваре, то в потемневшем зеркале. В него смотрелись когда-то и отец его, и мать. “Господи, – думает дед, хотя до сих пор не знает, верующий он или нет. – О, Господи, может, помнит их молодыми это стекло в самодельной рамке. Помнит, как на их лицах появлялись морщины, а в волосах седина. И я виноват в каких-то из тех морщин”.

И он сам смотрелся в это зеркало еще в пилотке, а под той солдатской пилоткой полный комплект волос, не то, что нынче. А на груди гимнастёрки с сержантскими погонами – орден Красной Звезды, медали, нашивки о ранениях.

Смотрел с надеждой, как и все победившие врага в той Великой Отечественной. Тогда, казалось, даже сам весенний ветер был пропитан надеждой...

Дед вздыхает: совсем недавно, в самом конце века, и XX-го, и своего, он догадался,

что стар... До этого, когда заговаривали о годах, только отшучивался: «А я не помню: то ли мне 79, то ли 97 – цифры те же». Да и не чувствовал себя стариком. Может, зеркало виновато?

Самое же интересное, что старик этот – я сам».

Старика зовут Николай Дмитриевич Наволочкин... Родился этот незаурядный человек 5 января 1923 года. 85 лет назад... В его родном посёлке Николаевка, что за Амуром, на территории суверенного субъекта ЕАО, до сих пор сохранился родительский дом. И при нём – огород, в котором проживает героиня его повести Полудница Акуля. Что было главным в жизни этого человека? Я не спрашивал его об этом и сам попытался понять, получить ответ на свой же вопрос.

Несколько лет он писал воспоминания о прошлом, о жизни, которую прожил. Это не мемуары, назвал свои записки писатель – «Дневник памяти». Будем читать его с вами не весь – фрагментами, выбранными для 85-летнего юбилея не случайно. Итак...

«В тот день в школе намечался выпускной вечер. Я собирался погладить брюки и ходил по двору, размахивая тяжелым чугунным утюгом, чтобы раздуть тлевшие в нем угли. Существовал в то время такой прибор. И тут появился Борис Мирошниченко, мой друг и одноклассник.

– Ты радио слушал? – спросил он. – Говорят, что на нас напали немцы...

Борис смотрел то на меня, то на утюг в моей руке, будто хотел что-то ещё сказать, а утюг ему мешал.

В слова Бориса и верилось, и не верилось. Я торопливо догладил штаны, и мы отправились к поселковому клубу. Там во дворе было всё для молодёжи: спортивная и танцевальная площадки, волейбольная сетка, трибуна для особых торжеств.

У нас шел восьмой час вечера, значит, в Москве первый час дня 22 июня 1941 года. Провести митинг никто не догадался. Впрочем, и некому было. Воскресенье. Поселковое начальство или трудилось на покосах, или рыбачило. Но народ не расходился. Наоборот, по одному, по двое всё ещё тянулись сюда и пожилые, и молодые. И тут на столбе у танцплощадки ржаво закрипел, ожил динамик. Наверно, включил его киномеханик. Сквозь треск и помехи прорвался какой-то марш. А когда он стих, мы услышали слова, запавшие в память на всю жизнь: «Сегодня в четыре часа утра... без объявления войны...»

...На выпускной вечер, который все-таки состоялся, мне и троим моим друзьям принесли из военкомата повестки».

В его дневнике обозначена дата «5 января 1943 года».

«Наша маршевая рота выезжала на фронт из города Свободного 5 января, как раз в день моего рождения. Ехали медленно. Дорога ещё жила Сталинградом. Туда, задерживая нас, грохотали поезда с боевой техникой. Оттуда – санитарные поезда. Тогда

я ещё не знал, что сам на таком поезде, после тяжёлого ранения в Польше, буду ехать сначала в Гомель, а потом в эвакуогоспиталь в Барнаул. И будут у меня, отвыкшего от такой роскоши на фронте, и простыни, и подушка, и одеяло...»

Всё это напомнил мне дневник. А вот самое его начало:

«Февраль. В первых числах прибыли в город Вольск на Волге. На вокзале вечером меня и нескольких ребят из нашей маршевой роты приняли представители роты связи 193-й стрелковой дивизии. Ехали до расположения части в фургончике радиостанции. Вел машину шофёр Володя, которому я потом на фронте подарил свою “пушку” – трофейный револьвер, наверное, дуэльный, величиной чуть поменьше маузера. К его барабану подходили патроны только винтовочного калибра. А где их найдёшь? Мне его за ненадобностью, с пятью патронами, отдал кто-то из телефонистов нашей роты.

Утром принявший, наверное, порции две “фронтовых”, командир радиовзвода, молодой розовощекий лейтенант, подзвал меня и объявил: “Сержант, с этого часу вы поступаете в моё полное распоряжение”. Но офицеры жили по частным квартирам, а командовали нами, обучали, в основном, сержанты. У многих ребят – ордена и медали. Дивизия недавно вышла из-под Сталинграда и сейчас доукомплектовывалась, готовясь к новым боям.

Позже в формуляре дивизии я вычитал: “Основная масса пополнения получена из войск ДВФ” – нашего Дальневосточного фронта, значит, это и о нас».

В архиве писателя Наволочкина хранится такой документ военной поры.

«Вот в скромненьком синем конверте интересное письмо от командира нашей 193-й Днепровской, ордена Суворова дивизии А. Г. Фроленкова. Командующий 65-й армией П. И. Батов в книге “В походах и боях” сказал о нём: “Жизнерадостный, неистощимый на военную выдумку генерал”. А рядом особенно дорогая для меня фотография. На ней я, когда-то всего лишь старший сержант, беседую с генералом армии, дважды Героем Советского Союза Павлом Ивановичем Батовым.

Смотрю я на этот снимок и думаю, сколько перед его глазами прошло таких сержантов, рядовых, офицеров. Но он нашёл время со мной побеседовать.

П. И. Батова на фронте я увидел впервые весной 1943 года. Тогда меня и радиста Лёньку неожиданно вызвали из полка в роту связи. До деревни, где находился командный пункт дивизии и располагалась наша рота, мы дошагали быстро. Здесь первым нас встретил радист Иван Колотуша. Разулыбавшись, он воскликнул:

- А дырочки приготовили?
- Какие еще дырочки?
- А куда награды будете вешать?

Ничего не понимая, мы переглянулись, а Иван заторопился:

- Ладно, мне некогда. Наш взвод вон в той хате.

И зашагал по своим делам.

– Разыгрывает, – решил Лёнька. Но в радиовзводе нас сразу стали поздравлять ребята.

Оказалось, что скоро сюда, на командный пункт дивизии, прибудет командующий нашей 65-й армией и будет вручать награды. А награждены мы за бой в курском селе Кочетовке.

На фронте я тогда находился всего около месяца. Образовывался Курский выступ, Курская дуга. Дивизия наступала по бездорожью. Артиллерия, боеприпасы, продовольствие отстали. Мы, радисты, прибывшие с пополнением, по пути изучали новую для нас рацию. День ото дня сопротивление врага росло. И, как говорится в формуляре: “8.03.43 г. С утра пр-к превосходящими силами, при поддержке авиации (27 самолётов), 30 танков перешёл в контрнаступление. Части, не выдержав ударов, оставили населённые пункты: Крюки, Кочетовка, Виженка...” Два из этих тридцати танков ворвались в Кочетовку.

А ещё через день под утро участилась стрельба, и Бахарев попросил к рации командира полка. Лёнька побежал за майором, но тут же скатился в погребок и воскликнул:

– Немцы! Наши отходят!

Подхватив радиостанцию, мы выскочили на дорогу. Слева, в конце улицы, тархтел танк, а за ним виднелась цепочка солдат. “Фрицы!” – догадался я. С другой стороны мы разглядели наших и кинулись к ним. Увидев майора, я доложил, что его вызывает штаб.

– Разворачивайте рацию в этом доме, – приказал он. – Я сейчас. – И уже обращаясь к офицером: – Неужели ни у кого нет пары гранат?

Едва успел я развернуть рацию, как дом трянуло. Часть потолка с треском поползла, но её задержала труба русской печки, а дивизия продолжала требовать командира. Товарищ мой побежал за ним, распахнул дверь и тут же её захлопнул.

– Танки во дворе! - выдохнул он, но я и сам уже догадался об этом, услышав тархтение моторов за стеной. А в наушниках все требовали и требовали командира.

Пришлось ответить, что с нами никого нет, а во дворе чужие “коробки”. Так мы условно называли танки.

– А где эти “коробки”?

– У нашего дома... Он крайний на улице, – пробормотал я, и тут же вспомнил про карту, что была у нас.

Возле квадратика на ней, обозначавшего конец улицы и наш дом, стояла заглавная буква “К” – первая в названии деревни.

– У буквы “К”, - уточнил я. – “Коробки” у буквы “К”.

– Вас поняли, – спустя минуту ответили мне. И чей-то новый голос совсем не поуставному добавил: – Сынки, вы меня слышите? Укройте! Сейчас дадим “огонька”.

Мы лежали, направив карабины в сторону двери. Во дворе слышался лязг гусениц, голоса. Немцы могли заглянуть сюда в любую минуту.

А время словно остановилось, каждая минута тянулась как час. “Скорей! Ну, скорей!” – мысленно торопил я артиллеристов. И тут земля вздрогнула, раздались разрывы снарядов. Крыша над нашими головами вспыхнула. Избу стало затягивать дымом. Мы подкрались к выбитому взрывом окну. Неподалеку языки пламени лизали вражеский танк. Вокруг него суетились немцы, помогая кому-то выбраться из его чрева.

...Невысокого роста, сухощавый, генерал Батов шагал вдоль строя в сопровождении других офицеров и вручал награды. Остановился возле меня. Кто-то зачитал указ о награждении, где говорилось, что мы вызвали огонь на себя, в результате чего был уничтожен фашистский танк.

– Расстегни полушубок, – шепнули мне.

Я расстегнул, и командующий стал прокалывать мне гимнастёрку, чтобы привинтить орден Красной Звезды. Случайно он кольнул мне грудь. Видно, почувствовав это, хотя я и постарался не показать виду, виновато улыбнулся: ничего, мол, потерпи, солдат. Мой радист Лёня получил медаль “За отвагу”.

В 1967 году Павел Иванович Батов приезжал в Хабаровск на Международную конференцию сторонников мира. В президиуме рядом с ним сидел писатель Н. М. Рогаль. Он и сказал генералу, что в этом зале сидит солдат, которому Батов на фронте вручал награду. Павел Иванович заинтересовался, и на следующий день мы с ним долго беседовали. Он отлично помнил многих офицеров нашей дивизии, рассказал, что в городе Львове воздвигнут памятник нашим воинам, форсировавшим Днепр.

Мы обменялись с ним книгами. Я подарил свою повесть “Шли радисты” – о фронтовом радиовзводе, а он – книгу мемуаров “В походах и боях” с дарственной надписью».

* * *

Он вернётся домой не в победном сорок пятом, а весной 1947 года.

В этом же году он станет студентом истфака Хабаровского пединститута. После окончания учёбы его направят не в школу, а в «Дальгиз» – Дальневосточное книжное издательство. Здесь он стал редактором. Из дневника: «Несколько лет я работал в издательстве редактором, затем – главным редактором. С удовольствием готовил к печати книги прозаиков, поэтов, краеведов, особенно – историков. Оказалось, что не зря всё-таки окончил исторический факультет».

Потом он окажется в журнале «Дальний Восток», десять лет будет возглавлять его работу как главный редактор. Всё время не переставал писать стихи и прозу – книги Наволочкина выходили часто и становились событиями. Здесь, в журнале, в писательской организации, которая располагалась на том же этаже в старом доме на улице Комсомольской, 80, он познакомится и подружится со многими коллегами-писателями. В своем дневнике Дмитрий Николаевич тепло вспоминает о Василии Ефименко, Дмитриии Нагишкине, Николае Рогале, Сергее Тельканове, Николае Задорнове, других.

Последние страницы дневника Николая Дмитриевича Наволочкина посвящены родословным изысканиям. Оказывается, самого писателя назвали в честь одного из его дедушек, Николая Лукьяновича, отца матери писателя. Он попытался проникнуть в глубину XIX века и дальше, «вырастить хотя бы хилое генеалогическое дерево», но этого сделать пока не удалось. Но есть подробное описание жизни и судеб двух ветвей, из которых возник род Наволочкиных.

Вершина и гордость его – Николай Дмитриевич, нынешний юбиляр, поэт, писатель, почётный гражданин Хабаровска, его достояние и гордость.

Следующий материал за авторством Людмилы Миланич интересен тем, что подробнее раскрывает работу Николая Дмитриевича в журнале «Дальний Восток». Проработав с ним бок о бок, Людмила Ивановна смогла несколькими маленькими штрихами, через привычки, поведение, показать особенности характера писателя.

Миланич, Л. Обратная связь / Л. Миланич // Дальний Восток. – 2014. – № 1. – С. 208–211.

*Светлой памяти старшего сержанта,
писателя, почётного гражданина
города Хабаровска,
лауреата премии имени Я. Дьяченко,
Человека Николая Дмитриевича Наволочкина*

Телефон за стеною
У соседа в квартире
Звонит и звонит,
Будто мне после боя
Друг мой
Лёнька Просвирин
Зуммерит... зуммерит...
Будто это с войною,
Через годы со мною
Восстановлена связь.
Не стена за спиною,
А траншея и лаз.
И песок от разрыва,
Что сорвал плащ-палатку,
Все течёт в блиндажи.
Кто погиб, а мы живы...
Ты в бинтах, весь залатан,
Мне хрипишь: «Ты-то жив?..»
«Жив», – шепчу я сквозь сон.
И замолк телефон.
Он замолк,
А война зуммерит... зуммерит...
Там ведь Лёня, за Бугом
Много лет непробудно
Спит...
Там, в предгорьях Кавказа,
Паренёк светлоглазый
Наших с Лёнькою лет...
Как ты там?
Дай ответ... Дай ответ!..

Впервые он увидел напечатанными свои стихи в газете «Знамя пионера» в 1935 году. Автор, Коля Наволочкин, родился в 1923 году в посёлке Николаевка. Там и сейчас жив дом его родителей, где совсем недавно девяностолетний писатель (правда, в качестве наблюдателя) принимал участие в копке картошки – с дочерью, зятем и внучкой. И родные люди остались в посёлке, и воспоминания приводили сюда постоянно, и героев своих замечательных сказок Николай Дмитриевич связал с родной Николаевкой. И первое в его жизни опубликованное стихотворение было о новой школе в родном посёлке. А учиться он начал в 1930 году в... декабре. Случилось так, что семьи переселенцев, поселившихся в Николаевке, отправили работать в другое место. Встретившаяся как-то Колиной маме учительница пожаловалась, что учить некого: многих детей увезли.

«Возьмите моего Колю, ему скоро семь лет будет, он и читает, и пишет». И повёл меня на следующий день в школу мой сосед – первоклассник Илюша Кирик. Только мы вошли с ним в коридор, как запрыгали вокруг нас ребята: «Кирик пришёл, новичка привёл!» Так я стал учеником начальной школы, где и сделал карьеру: приняли меня в подготовительный класс, через неделю-другую перевели в первый, а там и учебный год закончился, и я уже – второклассник», – вспоминает Николай Дмитриевич в «Книге памяти».

Начало войны Николай Дмитриевич вспоминал так: «<...> сегодня никем не званый народ собирался у трибуны. Наверное, каждому хотелось почувствовать себя частицей чего-то общего, большего, чем наш рабочий посёлок... На выпускной вечер, который всё-таки состоялся, мне и троим моим друзьям принесли из военкомата повестки.

– На войну, на войну... – зашептали девушки.

– Нет, пока только военно-морское училище, – сказал старший лейтенант. – Для вас сегодня последний мирный день...»

Но военно-морского училища не получилось. Николай Наволочкин попал в учебную роту – в Амурскую область. Их готовили быть радистами, младшими сержантами, командирами отделений. «Занятия в поле, на плацу, в классах. Тревоги почти каждую ночь... Неподалеку, за Амуром, стояла Квантунская армия Японии. Походы – и опять точки-тире, та-та-та...» И вот 1942-й. Город Вольск на Волге. Там, после разгрома фашистов под Сталинградом, доукомплектовалась дивизия. В 148-ю отдельную роту связи и был зачислен младший сержант Наволочкин. И начался его ратный путь.

Устных былей о «боях-пожарищах, о друзьях-товарищах» я от Николая Дмитриевича не слышала. Но в книгах его «Шли радисты» и «Жди ракету» время это и люди из тех лет ожили. Николай Дмитриевич рассказывал, что написать об этом, вернувшись в те дни, его заставила, растревожив память и сердце, открытка – приглашение на встречу однополчан. Бывшего «днепровца» разыскали в 1963 году. Поехать он не мог. Но воспоминания не оставляли. И понял бывший старший сержант (в этом звании закончил Наволочкин войну), что не будет ему покоя, пока не напишет о своих однополчанах. Хотел было взять придуманные имена, но попробовал и понял: в книге должны жить его сотоварищи с подлинными их биографиями. И через год – в 1967-м – вышла из печати книга «Шли радисты». Есть там удивительный эпизод, как корректируя огонь артиллерии по ворвавшимся в Кочетовку (Курская дуга) немецким танкам, на вопрос «где коробки» радист Наволочкин ответил (пришлось открытым текстом): «У буквы “К”». Имелось в виду название деревни на карте. А это была как раз изба, где и находились его товарищи. Парни спаслись: хотя фактически вызвали огонь на себя. За тот бой Николай Наволочкин был награждён орденом Красной Звезды. «Сынки! Вы меня слышите! Укройтесь! Сейчас

дадим огонька!» Это неуставное обращение они запомнили на всю жизнь. В 1943 году Наволочкин и его товарищи были в числе первых, кто форсировал Днепр. Павел Халов говорил, что, по всем канонам, Николай Дмитриевич – Герой Советского Союза. Тем, кто форсировал Днепр, первым присваивали это высокое звание. Сам Наволочкин никогда не вспоминал, что не озаботился узнать, был ли рапорт от начальства, что да почему. Для меня он тем более герой. После ранения в боях за Белоруссию, а потом за Польшу (есть у него польская награда) он дослуживал, ожидая демобилизации, в Новосибирске. Домой старший сержант вернулся в 47-м.

Вот тогда-то и осмелился прийти в редакцию журнала «Дальний Восток» со своими стихами. Пётр Степаныч Комаров отобрал три стихотворения и указал автору, что исправил бы в других, будь они его собственными. Чем и занялся дома автор. И взял на вооружение такой способ «критики». А тогда, через месяц, во втором номере «Дальнего Востока» были опубликованы стихи Николая Наволочкина.

Закончив в 1951 году исторический факультет Хабаровского пединститута, он по распределению был направлен в Хабаровское книжное издательство – редактором, потом стал главным редактором. В эти годы выпустил книжку стихов «Дорогие мои земляки», книжки для детей «На Амуре», «Жили-были», «Путешествие зайца Антошки»... Это было начало постоянной любви между детьми и их писателем. Сколько книг стихов и прозы сочинил для них Николай Дмитриевич Наволочкин! Например, «Каникулы кота Егора». Дети не хотели расставаться с этим котом, и пришлось автору вернуть его в новой сказке «Знакомые кота Егора». То же было и с повестью «Полудница Акуля». Вторая книжка про эту сказочную бабушку называлась «Кто главный в огороде?». Что удивительно и вполне понятно: со сказочными героями Николая Дмитриевича дружат многие поколения дальневосточников – выросшие дети знакомят с ними своих детей, как того и хотел автор. А мечтал он, чтобы они «стали немного добрее...»

В 1958 году Николай Дмитриевич пришел в журнал «Дальний Восток», впервые опубликовавшем его стихи, заместителем главного редактора. А в 1977 году стал его главным редактором. Доброжелательность, отзывчивость, умение «слышать» автора, чувство юмора... Замечательно работалось под его началом.

«Пустяки», которые много говорили о писателе, редакторе, человеке Наволочкине: работал в маленьком кабинете; став главным, не стал перебираться в большой – штат несколько увеличился, сидели тесновато. Под окном его кабинета – деревце. Николай Дмитриевич прикормил воробьев. Зимой и летом слетались они на свое «воробьиное дерево» и всегда находили допаяк. Доводилось мне по делам (важным и неличным) отпроситься, и мой главный редактор несколько огорченно говаривал: «Опять?! Хоть бы раз по личному делу!»

И когда случилось такое, глянул удивленно-недоверчиво и отпустил – в Приморье, хотя работы было ого-го.

Написал в воспоминаниях, что некоторые свои весёлые книжки для детей сочинил, сидя в президиуме бесчисленных совещаний.

Помню, как доверил мне тайну: его, главного редактора единственного в нашем регионе литературно-художественного журнала, всегда выбирают в президиум (номенклатура ЦК партии!). Какой молодец!

Ещё до моего прихода в редакцию журнала Николай Дмитриевич рассказал для радиослушателей, как он открыл капитана Дьяченко. У известного исследователя

наших краёв Михаила Ивановича Венюкова встретил упоминание этой фамилии без всяких объяснений. Из контекста стало ясно, что человек этот был хорошо известен в те времена. Так началась история поисков и собирания материалов: в разных архивах и библиотеках, у учёных и товарищей и т. д., и т. п. Итогом стал удивительный роман «Амурские вёрсты», увидевший свет в Хабаровске в 1974 году и потом переизданный в Воениздате Москвы и еще дважды – в Хабаровске.

В книге – история нашего родного Приамурья, герои наивнейшие. Сам Яков Иванович Дьяченко, его линейцы, представители высшего света и рядовые граждане, делатели истории. Сама история человечна. Юмор, понимание всех, кто населяет роман. С разрешения автора актёр Михаил Кон сделал инсценировку для Хабаровского театра драмы (к ней приложил руку и тогдашний главный редактор журнала «Театральная жизнь» Мирошниченко). Композитор Казачков написал замечательную музыку. Реакция на спектакль была воплощением искреннего волнения и любви сидящих в зале людей к родной земле, благодарности тем, кто открывал эти края и обустроивал их: в глазах – свет и слёзы.

Николай Дмитриевич умел работать целеустремлённо, ответственно, заинтересованно.

Увлёкся собиранием денежных знаков. Изучил бонистику Сибири. Написал книгу «Дело о полутора миллионах». Она выдержала два издания (1967, 1968 гг. – Хабаровское книжное издательство) и стала библиографической редкостью. Хорошо и точно в послесловии к роману Наволочкина «Амурские вёрсты» (Хабаровское издательство «Ковчег», 2007 год) написал писатель Владимир Иванович Клипель: «...сущность литературного дела такова, что мы становимся сопричастны не только историческим или иным жизненным ситуациям, воссозданным автором на основе собственного, опыта или с помощью документов, вникаем в сущность проблем, волнующих человечество, но в самом отборе действующих лиц, в их действиях и характерах сталкиваемся с субъективным фактором – характером самого писателя, с его жизненной позицией. Характер же Николая Дмитриевича – кроткий, мягкий, я бы сказал, очень пластичный к окружающей среде. Он любит людей и хочет видеть их мягкими, снисходительными, умными и добрыми, и такими же их рисует, созвучными его душе и представлению о человеке в лучшем его проявлении».

Он открыл нам многих делателей истории и устроителей дальневосточных земель. В этом номере журнала «Дальний Восток» среди членов редакционной коллегии нет имени Николая Дмитриевича Наволочкина: он ушел 20 сентября 2013 года. Он, его душа, его уроки – с нами, всегдашние наши друзья, наши учителя.

P. S. – Недавно в Лицее инновационных технологий мальчик из четвертого класса сочинил сказку, в которой полудница Акуля (из сказки Николая Дмитриевича) отправилась на Хехцир в гости к кабанёнку Феде (из сказки Александра Лепетухина): книги по-прежнему помогают быть добрее и, как заканчивает роман «Амурские вёрсты» Н. Д. Наволочкин: «Россия прочно встала на своих восточных рубежах». И духовно тоже! Обратная связь ненарушима.

Дальневосточная писательница Наталья Костюк делится воспоминаниями о том, как библиотеке поселка Николаевка Еврейской автономной области присвоили имя Николая Дмитриевича Наволочкина.

Сначала было слово. Слово Светланы Ивановны Базановой:

– Мы из Николаевки, у нас родился, вырос и стал известным на всю страну Николай Дмитриевич Наволочкин. У нас много талантов, но вот Николай Дмитриевич – особая наша гордость. Мы собираем всё, что им написано и что о нём. Вот только его книжечки стихов о войне нет...

Среди многих других книг наших авторов в Доме писателей нашлась и эта – «Обратная связь» Н. Наволочкина, изданная в 2000 году. Светлана Ивановна обрадовалась:

– Она нам так нужна – хотим организовать литературный праздник, чтобы при жизни наш земляк знал, как мы его любим и гордимся им. Потом других писателей будем приглашать.

– Так может быть – «Николаевские чтения»? – предложили мы.

– Точно! – обрадовалась Светлана Ивановна. – Это так здорово!

Вот так и появились «Николаевские чтения».

Светлана Ивановна стала частым гостем в писательской организации края: приезжала одна, привозила односельчанок, уточнялись детали, приглашали гостей, решали вопрос с транспортом. И вот настал день, когда в Хабаровск из Николаевки прибыл микроавтобус, а рядом с водителем сидела Татьяна Ивановна Прокопенко, заместитель главы поселковой администрации.

Вместе с Н. Д. Наволочкиным в Николаевку поехали заслуженная артистка России Татьяна Гоголькова, писатель Валентин Михайлович Фёдоров, который в своё время пришёл в журнал «Дальний Восток» рядовым сотрудником, а потом принял у Наволочкина эстафетную палочку главного редактора, – годы прошли, а дружба осталась.

В самой Николаевке Николай Дмитриевич провёл экскурсию для «группы поддержки»:

– Вот моя родная Советская улица, здесь наш дом, а вот и мой любимый братик Юрий. А это наша школа...

Юрий Дмитриевич, забравшись в автобус, тоже вспоминал, как при строительстве школы мальчишки помогали строителям, таскали песок, кирпичи.

Микроавтобус свернул на другую улицу, и нам с гордостью объявили:

– А тут у нас новый стадион, его всем миром строили... замечательный стадион, к нам даже из Хабаровска приезжают на стадионе поиграть...

Вечером состоялась официальная часть. Зал был полон. На сцене – молоденькие танцовщицы, хор в национальных нарядах поёт песни, те, что, может быть, певали первые переселенцы. Певуньи сменяют юные чтецы, следом идёт инсценировка по роману Наволочкина «Амурские вёрсты» – сегодняшние земляки автора играют своих предков – дедов и прадедов. И снова чтецы. Потихоньку их вытеснила Полудница Акуля в окружении своей компании, а импровизируют николаевские ребяташки.

Рефреном на экране идёт фильм о Наволочкине «Я родом из детства»: вот Николай Дмитриевич ходит по двору дома, в котором родился и вырос, вот объясняет, что не может назвать дом дачей, это мамин дом, который он сохраняет, – с пожелтевшими фотографиями, утварью, помнящей мамины руки, с зеркалом, в которое смотрелись поколения Наволочкиных.

Братья сидят в первом ряду, рядышком – два пожилых человека, пережившие немало испытаний, участвовавшие в войне: один – связист, второй – подводник, и словно смотрят на свою жизнь со стороны.

Взволнованно заговорила Татьяна Гоголькова, прижимая к груди том романа «Амурские вёрсты» – ведь как здорово, что именно «Николаевские чтения», а чтения – это книга и всё вокруг неё, она как стержень.

Потом на сцену пригласили известного дальневосточного писателя, заслуженного работника культуры, почётного гражданина города Хабаровска, почётного жителя села Николаевка... Пока перечисляли его звания и регалии, Николай Дмитриевич поднялся на сцену, смущённо поблагодарил собравшихся и не преминул сказать: почестей воздали столько, что нескольким генералам хватило бы, а он всегда был и остаётся сержантом. Однако вышедшие с поздравлениями и подарками глава поселковой администрации Сергей Петрович Копытков и Татьяна Ивановна Прокопенко возразили – по заслугам честь! А потом на сцену пошли односельчане с подарками, и самым неожиданным и дорогим, пожалуй, оказалась точная копия Акули. И вдруг на сцене появилась заведующая поселковой библиотекой Людмила Гавриловна Жеребцова и попросила внимания: уже не один раз разговаривала она с Николаем Дмитриевичем, испрашивая разрешения присвоить поселковой библиотеке его имя. Он всё оттягивал время, обещал подумать.

Зал загудел. Николай Дмитриевич стоял на сцене, смотрел задумчиво в зал, смущенно улыбался.

– Дорогие мои земляки, ну, честное слово, мне как-то неловко. Ну вот тут сидят мои товарищи, как они думают, а, Валентин Михайлович?

– Так, а что тут думать? Надо соглашаться, – воскликнул Фёдоров.

Теперь у Николая Дмитриевича есть библиотека его имени. Такое решение официально приняло собрание депутатов Смидовичского муниципального образования.

Следующая статья расскажет о долгих и плодотворных взаимоотношениях Хабаровской краевой детской библиотеки и Николая Дмитриевича, именем которого названа библиотека. В каком году имя Наволочкина было присвоено библиотеке, как отзывались дети о встречах с писателем и другими интересными фактами библиотечной работы поделились директор библиотеки – Ольга Алексеевна и главный хранитель фондов – Елена Фёдоровна Кузнецова.

Кузнецова, Е. Ф. Добрый свет таланта / Е. Ф. Кузнецова, О. А. Ракова // Культура и наука Дальнего Востока. – 2018. – № 1. – С. 18–23.

Надо жить в ногу со временем. Беречь время, наполнять его добрыми делами. Всё проходит, а память о добрых делах остаётся.

Н. Д. Наволочкин

<...>

По образованию педагог и историк, Наволочкин был активным популяризатором литературы, дальневосточной истории. Его часто можно было встретить среди школьников.

На протяжении не одного десятка лет в Хабаровской краевой детской библиотеке проходили творческие встречи читателей с Николаем Дмитриевичем Наволочкиным, на которых писатель делился воспоминаниями о своём детстве, о создании стихотворений, о прототипах известных персонажей.

Встречи, пронизанные добром, юмором и даже волшебством, всегда вызывали неподдельный интерес у слушателей. Очарованные этим удивительно искренним человеком, ребята и взрослые всегда задавали ему массу вопросов, заворожённо слушая увлекательные истории писателя.

Вот как отзывается о прошедшей в 2013 году встрече одна из читательниц, Полина Липатова: «Я виделась с ним однажды, но эта встреча всё ещё хранится в моей памяти. Она произошла пять лет назад в детской библиотеке. Перед нами предстал пожилой человек, присутствовавший в зале вместе с нами. Это был мужчина приятной внешности, с мягкими чертами лица и лёгкой улыбкой, которая светилась и немного приподнимала густые седые усы. Он был одет в тёмно-синий костюм и сидел перед нами в красном широком кресле с букетом жёлтых хризантем. Одно из его произведений досталось мне за участие в викторине, но самым запоминающимся эпизодом стала наша общая фотография вместе с самим Николаем Наволочкиным, которая и сейчас украшает вход в здание детской библиотеки. Вот таким мне запомнился Николай Наволочкин! Талантливый писатель, добрый человек, он создавал свои книги для детей, чтобы доставить им радость. Мне искренне жаль, что его нет больше в живых, но его книги всегда будут жить в наших сердцах!».

Но не только встречи с автором, но и каждое новое издание книг Николая Дмитриевича Наволочкина всегда воспринимались библиотекарями и читателями как радостное событие, как повод устроить праздник. В стенах Хабаровской краевой детской библиотеки часто проходили праздничные презентации новых книг с участием писателя.

Организаторам хотелось, чтобы книга не просто незаметно поселилась на полках библиотеки, а чтобы о ней узнали все юные читатели.

В 2003 году в библиотеке с участием Николая Дмитриевича состоялась презентация книги «Полудница Акуля». В театрализованной форме библиотекари и автор познакомили юных читателей с увлекательной историей заглавной героини.

В 2005 году в библиотеке прошла презентация сборника стихотворений «Откуда течёт Морошка?». Видеокадры с мероприятия вошли в документальный фильм Дальневосточной студии кинохроники «Я родом из детства» (режиссёр А. Самойлова).

В 2006 году приятным сюрпризом для Николая Дмитриевича Наволочкина стал

спектакль по мотивам его повести-сказки «Полудница Акуля», подготовленный театральной студией села Нижнетамбовского. На сцене библиотеки состоялось яркое действо, атмосфера которого погрузила ребят в волшебную сказку, где они познакомились с героями сказки: пугалом Игнатом, лешаком Спиридоном, котом Нестором и, конечно же, самой Акулей. Николай Дмитриевич, присутствовавший на мероприятии, с удовольствием посмотрел этот спектакль.

Когда в 2008 году Николай Дмитриевич Наволочкин написал продолжение истории полудницы Акули «Кто главный в огороде?», Издательский дом «Приамурские ведомости» выпустил новое издание, в которое вошли обе книги. В сентябре того же года в библиотеке состоялась презентация второй части повести-сказки с участием юных читателей. Почётным гостем стал автор книги.

Накопленный библиотекой объёмный материал по художественному наследию Николая Наволочкина послужил основой для создания мультимедийного диска «Добрый свет слова». Здесь нашло отражение всё творчество Николая Наволочкина для детей: тексты известных произведений, биография и библиография автора. Кроме этого, библиотекари разработали красочные электронные викторины и игры по книгам «Знакомые кота Егора» и «Полудница Акуля». В диск вошли яркие моменты творческих встреч Наволочкина с читателями в краевой детской библиотеке, а также галерея детских рисунков по произведениям Николая Дмитриевича, которые помогли создать учащиеся студии изобразительного творчества «Самоцветы» Дворца детского творчества «Маленький принц». Знакомство с диском было организовано в ноябре 2009 года в краевой детской библиотеке. На презентации присутствовал Николай Дмитриевич, наши юные читатели, педагоги, библиотекари. Было сказано много добрых слов в адрес писателя, все участники единодушно пожелали ему доброго здоровья и долголетия, издания новых книг.

Наша последняя встреча с Николаем Дмитриевичем произошла в краевой детской библиотеке 1 июня 2012 года, в Международный день защиты детей, когда министр культуры Хабаровского края А. В. Федосов вручил библиотеке свидетельство о присвоении ей имени Николая Дмитриевича Наволочкина. Замечательно, что это произошло при жизни писателя, и он смог порадоваться этому. Николаю Дмитриевичу было 89 лет, но к нам приехал. Несмотря на то, что ему трудно было двигаться и говорить, глаза его лучились добротой, а на лице была улыбка, да и с детьми он общался охотно. Персонажи его книг – полудница Акуля и кот Егор – рассказали присутствующим на празднике взрослым и детям много интересного об известном писателе. Ребята увлечённо читали стихи, отвечали на вопросы электронной викторины по произведениям, а также приготовили в подарок писателю свои поделки.

В январе 2013 года библиотека провела праздник, посвящённый 90-летию писателя. В юбилейном путешествии по его творчеству приняли участие наши юные читатели.

Не обошлось и без известных персонажей произведений Николая Дмитриевича. На этот раз писатель приветствовал ребят с экрана – видеозапись с обращением к детям была подготовлена накануне...

<...>

Накануне 95-летия со дня рождения писателя возникла идея создать в библиотеке экспозицию «Дом-музей Наволочкина» – копию его дома в посёлке Николаевка Смидовичского района Еврейской автономной области. 20 октября 2017 года, в день

рождения Хабаровского края, экспозиция была торжественно открыта. На мероприятии присутствовали юные читатели библиотеки и почётные гости. Среди них – дочь писателя Светлана Николаевна Медведева. Взрослые и дети познакомились с убранством комнат, предметами обихода, личными вещами Н. Д. Наволочкина. Создание и открытие экспозиции стало возможным, благодаря партнёрству с Хабаровским городским общественным движением гражданской инициативы «Хабаровск – это МЫ» в рамках реализации просветительского проекта «Гордость края глазами детей, или Сохраним историю вместе», поддержанного грантом губернатора Хабаровского края.

Сегодня дом-музей Николая Дмитриевича Наволочкина открыт для всех желающих и наполнен детскими голосами. Жизнь писателя была тесно связана с Дальним Востоком, и всё, что он создал, – это посвящение родной земле.

Раздел 2. Мировоззрение и увлечения

«Николай Дмитриевич Наволочкин – не просто человек, который понимал и любил детей, он писатель и человек, которого понимают и любят дети. И это для писателя большое счастье, самая великая радость: его слово живет. Живет в душах людей».

Николай Кабушкин

Раздел включает статьи, интервью, которые отражают взгляды Николая Дмитриевича на жизнь, его интересы помимо своей основной профессии и литературного творчества.

Многие интервью с писателем затрагивают философские и жизненные темы: что такое человеческая жизнь, как меняет человека война, какой жизненный опыт она даёт, должна ли быть у человека мечта и кем хотел стать писатель в юности.

Чернявский, А. И грустные трубы трубят / А. Чернявский // Чернявский А. Г. ... И не забудет новый век (Портреты без автографов) : очерки разных лет / А. Г. Чернявский. – Хабаровск : Издательство «РИОТИП», 2001. – С. 195–198.

Представлять особо этого человека не приходится, его знают очень многие. Ну, кто же не читал книги Наволочкина про каникулы кота Егора, про дело о полутора миллионах, роман «Амурские вёрсты» и многие другие. Всего им написано более двадцати произведений различных жанров. В послужном списке Наволочкина – долгая работа главным редактором журнала «Дальний Восток», он заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин Хабаровска. В 1997 году за книгу «По особым поручениям» он стал лауреатом премии администрации Хабаровского края в области литературы.

Эта встреча с писателем состоялась накануне его 75-летия. Вот как сложилась тогда наша беседа...

– Жизнь человеческая подобна сосуду с гремучей смесью, там всего намешано: добра и зла, любви и ненависти, дружбы, предательства, радостей и печали... И всё же (вот великая тайна!) из этого и складывается человек. Разный, конечно. Вы согласны со мной, Николай Дмитриевич?

– Быть может, только в плане теории, умозрительном. Обстоятельства формируют человека, его бытие, его деяния, поступки. Для проявления личности их недостаточно, тут уж должен умом и сердцем поработать сам человек разумный.

– *Знаю вас достаточно давно, у меня сложилось о вас впечатление как о человеке светлом, лёгком, без обременительных комплексов, с юмором относящемся к самому себе, к разным ситуациям. Мне кажется, у вас нет обиды на жизнь. А ведь за плечами – вся Великая Отечественная война, путь полевого радиста, тяжёлые ранения, изнурительная редакторская работа. Скажите, что же такое человеческая жизнь – радость или наказание?*

– У меня есть такое стихотворение-афоризм: прав Шекспир, мир увлечён игрой. Радость, горе – как мельканье спиц, только в пьесе, где мы с тобой, нужно меньше действующих лиц...

Я, видимо, оптимист. Очень часто вспоминаю детство, юность. Это был обычный рабочий посёлок – какой-то чистый, светлый, там не было драк, краж. Ребята, друзья мои, были честные, открытые, приятные, со своими талантами.

Вы сейчас найдёте где-либо такой посёлок? Возможно, идеализирую то время, но я в нём рос, формировался. Потом, конечно, не забывается война, страшная, кровавая, жестокая.

– *Из света жизни вы попали в ад. Что-то с вами там произошло, вы изменились?*

– Ничего не произошло. Мы были к этому испытанию внутренне готовы, наверное, потому его и выдержали. Мне не на войне было плохо, а в запасном полку, где из нас готовили солдат. Примерно всё было так, как в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицына.

– *Походило на гулаговскую жизнь?*

– Это было нечто невыносимое. Постоянная муштра, морозы, полуголодная кормёжка, ветхое обмундирование. Но... парадокс: на войну мы ехали охотно, подготовленными. Первый мой бой? Да много эпизодов можно рассказать. Кстати, когда я писал книгу «Шли радисты», то её героем стал наш радиовзвод. Я ничего не придумывал. Что больше запомнилось? Курская дуга, наверное, подготовка к этой битве. Наша дивизия ищет позицию, мечется туда-сюда. Наконец, стали. Случилось так, что мы потеряли связь с командованием своего полка – штаб попал под бомбовый удар. Вдвоём мы оказались на краю села Кочетовка. Только успели развернуть в одной избе радиостанцию, как во двор ввалились два немецких танка. По радиации требуют: доложите обстановку. Доложили: «карандаши» (солдаты) ушли, во дворе две «коробки» (немецкие танки). Командир на том конце связи попросил нас укрыться получше, сейчас, мол, нанесём удар, дадим огонь. Проходит минута, две, три. Во дворе возятся немцы. А потом – мощный обстрел. Один их танк загорелся, пылает крыша хаты...

Получилось так, что мы вызвали огонь на себя. Потом мне вручили орден Красной Звезды, а Лёньке, товарищу моему, медаль «За отвагу». Орден вручил генерал-лейтенант Батов.

– *А где закончили войну?*

– В Польше. Там я был ранен, долго пришлось валяться в госпиталях, лечиться, – в Польше, Белоруссии, Сибири. Кстати, поляки вспомнили о своих освободителях

где-то в восьмидесятые годы, пригласили нас к себе. Я оказался в компании с Юлией Друниной, Сергеем Баруздиным, они тоже освобождали эту страну. Нам тогда вручили орден «Братенство» по оружию.

– *Какой же человеческий опыт дала вам война?*

– Научила ценить дружбу. После войны я не встречал подобного – там все мы были как родные братья. Как-то к нам прислали новобранца, солдата-нанайца, робкого, он всего боялся. Мы окружили его заботой, опекали, учили, помогали. Однажды встретил пожилого бойца, еврея из Биробиджана, я ему был рад, как отцу родному. На войне все были как родственники.

– *А чем это можно объяснить, такую крепкую солдатскую дружбу?*

– Бог знает, почему так было. Наверное, объединяла общая опасность...

– *Что ещё вспоминается из вашей жизни?*

– Светлыми годами было студенчество, когда после войны я учился на истфаке Хабаровского пединститута...

– *Большинство бывших студентов, видимо, солидарны с вами. А как насчёт любви, вы были с ней в ладах? Вы помните свою первую любовь?*

– Ну конечно... В пятом классе я влюбился в одноклассницу Надю. Сочинял стихи, послал их в пионерскую газету. Напечатали. А Надя обозвала меня хвастуном...

Бог не случайно создал мужчину и женщину – для любви. Я хочу написать повесть под таким названием «Не о самом главном». Это будет о ней, о любви. Любовь порождает прекрасное. Сколько мне лет, вы помните? Совсем недавно я написал такие строчки:

«Мы обо всём толкуем всласть, и всё-таки как странно,
Ты очень поздно родилась, а я родился слишком рано.
Пусть трубы грустные трубят, такое выпало мне время,
Тебя не зная, за тебя я принимал других всё время.
Но я тебе безмерно рад за робких четвергов цепочку,
За всё твоё, за смех и взгляд, хотя всё это так непрочно...»

– *Николай Дмитриевич, для писателя книги – это его дети. Их как бы все надо любить, что почти никогда не получается. Какие из ваших «детей» самые-самые?*

– «Амурские вёрсты» и «Каникулы кота Егора». Почему? В детских книгах я смог сказать что-то такое, чтобы сделать ребят добрее, чище. В нашей дальневосточной истории, видимо, открыл то, на что не обращали внимание историки, что было малоизвестно или даже забыто. Знаете, когда я писал книги о войне, то думал, читатели засыпят меня письмами. Я ждал: кто-то откликнется. Но все оказалось иначе – письма, очень много, были на работы исторические и детские.

– *Николай Дмитриевич, жизнь сложилась так, как она есть. Скажите, вас когда-нибудь предавали, у вас были враги?*

– Пожалуй, предательства я избежал. Обижать – обижали, это случалось. А вот врагов не было, хотя кто-то меня не любил, кого-то я не жаловал. Но у кого это в жизни не бывает?

– *Было ли в вашей жизни что-то, о чем вы сожалеете?*

– Если бы пришлось её переделывать, то я бы не стал этого делать, но что-то бы поправил, где-то поступил по-другому. Не всё получилось так, как хотелось бы. Увы!

Чернявский А. Сюжеты из старой папки и «мадам Клико» из тайника / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2003. – 9 января. – С. 2.

<...>

С писателем встретились незадолго до юбилея, в его рабочем кабинете. Я попросил его достать из стола папку, о которой только слышал, полистать её вместе. Он согласился, папка была извлечена из шкапулки стола, на ней было написано «Из дневника памяти». Это еще не готовые мемуары, скорее, заготовки к ним, заметки о разного рода событиях, фактах и т. д. Папка эта собиралась много лет, и предлагаемые ниже сюжеты почерпнуты из неё.

– *Начнём с детства, ведь всё у человека начинается с него, не так ли?*

– Есть в этой папке и такой, детский затёс памяти. В школу я пошел в 30-м году. Уже давно прекратила свое существование Дальневосточная республика, но мы учились по учебникам этого странного государства. Вместо букваря у нас была «Первинка», вместо арифметики – «Счёт и труд», потом пошло «Письмо и труд». В главном нашем учебнике «Школа и труд» была помещена фотография деревянных домов города Читы, бывшей столицы ДВР, с такой надписью: «Наша столица». Хотя ею тогда был Хабаровск. А в классе над картой Российской империи (другой просто не было) висел портрет Л. Д. Троцкого. Наши учителя просто не знали, что его надо было снять ещё год назад.

<...>

Потом была война, которую Наволочкин закончил старшим сержантом, прослужив в армии почти шесть лет. Об этом позже он расскажет в своих книгах «Шли радисты» и «Жди ракету».

<...>

Человеку, прошедшему войну, забыть её невозможно. И в этой старой папке преобладают записи о тех огненных и кровавых днях. О том, что было с их автором, с его друзьями-соратниками. Но не только.

Николай Дмитриевич протягивает мне исписанные листки: посмотрите их... «За почти шесть лет срочной службы в армии самое высокое звание, которого я был удостоен, – старший сержант. И, наверное, не мне судить, где кроются причины многих случаев дезертирства, побега из части с оружием (оно, что ли, у нас совсем не охраняется?). Откуда появляются не уважающие ни себя, ни армию недалёкие умом, туповатые, словно они прибыли из первобытного общества, “деды”?.. Что касается неуставных отношений, то я не помню ни одного случая, чтобы ребята – сталинградцы, орденосцы – в роте связи, к которым мы попали, прибыв с Дальнего Востока, чем-то нас принижали, оскорбляли. У них за плечами были тяжелейшие бои, а чем знамениты нынешние “старики” – гроза молодых? Тем, что выворачивают у них из кармана сторублёвку, присланную из дома. Говорят, что на них опираются для поддержания дисциплины командиры взводов и рот. Грош цена таким командирам!»

После войны Наволочкин учился в Хабаровском пединституте на истфаке. Стихи он начал писать в детстве, продолжал это делать на войне, после, да и всю оставшуюся жизнь. Он и прозаик, и поэт, после учёбы его взяли на работу в книжное издательство, позже перешёл в журнал «Дальний Восток», откуда ушёл на пенсию из кресла главного редактора. И в журнале, в писательской организации фронтовиков было немало. В дневнике памяти Наволочкина он их вспоминает тепло и сердечно – Тельканова, Ефименко, Нагишкина.

«Я не знаю другого российского писателя, о котором бы так часто писала японская пресса, как о Василии Михайловиче Ефименко. Да и он большую часть своих произведений посвятил Японии... Он был располагающим к себе, весёлым человеком. Каждое утро приносил в редакцию (журнала «Дальний Восток». – А. Ч.) новый анекдот. Подозреваю, что многие из них он сам и сочинял, жаль, что их никто тогда не записывал. Сейчас можно было бы выпустить книжку “Анекдоты от Ефименко”, как это сделал Ю. Никулин.

Как-то в один из предновогодних дней на одной из дверей редакции Василий Михайлович приколот табличку: “Кабинет для выяснения, кто кого гениальнее”. И хотя это была шутка, надо признаться, что и сегодня наши писатели любят поговорить на эту тему».

Так же тепло пишет Николай Дмитриевич и о других коллегах-писателях. Вспоминая Д. Нагишкина, он говорит так: «Главным своим произведением он считал роман “Сердце Бонивура”, только на русском языке он переиздавался около тридцати раз. И всё же настоящую славу Дмитрию Дмитриевичу принесли “Амурские сказки” в оформлении народного художника России Г. Павлишина... Думаю, книги из прошлого понадобятся читателям те, в которых автор выступал как историк-исследователь и как прозаик. Что же касается произведений о гражданской войне, когда погибло так много достойнейших людей и в красном, и в белом стане, хотелось бы, чтобы остались те книги, создавая которые писатель помнил, что и у белых, и у красных была своя правда, это один народ, разделённый на время роковым рубежом. Но от тех же “белых” нам осталась великая культура, лучшая в мире литература, многие традиции, любовь к Отечеству. А идея социализма... она ведь еще тянется от Иисуса Христа, у нас это был колоссальный, правда, неудачный, эксперимент. Советская власть в разных местах была разной и зависела от тех, кто ее олицетворял, от их действий, поступков. Так вообще часто бывает».

Перебираем листки из папки дальше. Николай Дмитриевич извлекает небольшой клочок бумаги, в нем всего несколько торопливо записанных строчек. 91-й год, он добрался до родной Николаевки, погостил у родственников, а потом пошёл на платформу, чтобы вернуться в город. Сидел, ждал поезда. А его нет и нет.

– Сижу и думу думаю. Кругом ведь неразбериха, отчаяние, разруха и нет никакой уверенности, что придет даже пригородный поезд. Это было совсем недавно. Грустно...

Николай Дмитриевич извлекает из папки очередной листок, в нём фрагмент записи небольшого воспоминания его отца. Это было, очевидно, после того, как сын вернулся с войны.

– Отец рассказывал: стали вдруг ходить по домам бывших партизан из отряда Шевчука, расспрашивать и допрашивать. Как, мол, ты посмел оставить в лесу базу, зачем? Тучи уже сгущались, кольцо сжималось, наступали репрессии. Мама тоже

припомнила: берегли мы для тебя мелкашку, охотиться, помнишь, была у нас такая укороченная винтовка «монтекристо». Конечно, я её помнил, удобное оружие. Мама вздохнула – отобрали и её...

Мы закрыли папку, оставив её на столе, зелёное сукно которого давно привлекало мое внимание. Стол был очень старый, резной, большой, двухтумбовый, я насчитал в нем семь выдвижных ящичков. Откуда стол, спросил у Николая Дмитриевича.

– Тут своя история. В этой квартире до меня жил писатель Николай Шундик. Но в середине пятидесятых он переезжал в Москву и стол этот оставил, зная, что жить здесь буду я. Шундик говорил мне, что купил его давно, далеко не новым, ещё на нижнем рынке. Стол оказался не только удобным, но и весьма объёмным. Кроме шкатулок в нем есть тайники. Однажды, передвигая на другое место, пришлось его слегка разобрать. В одном из тайников мы обнаружили закупоренную бутылку «мадам Клико». Вот какие чудеса бывают в писательских квартирах!

Сергодеева, Т. Мечта—это навсю жизнь/Т.Сергодеева//Молодой дальневосточник.
– 1977. – 23 марта. – С. 3.

– *Знали ли вы, что станете тем, кем стали? Кто вам в этом помог?*

– Думал поступить в институт журналистики им. Воровского. Рано начал писать стихи. Была до войны такая краевая дальневосточная газета – «Знамя пионера». Первое стихотворение напечатали, когда я учился в 5-м классе. Это было большим событием для меня. В 1939 году вышел сборник стихов для ребят «Счастливое детство». И в нем – два моих стихотворения, под первым стояла подпись – «Коля», под вторым – уже – «Николай Наволочкин». В это время я учился в девятом классе. Жили интересно, много занимались спортом. Ходили на лыжах, стреляли, метали гранаты. Многие были значкистами ГТО. Родились мы после гражданской войны. Она оставила много следов, находили японские тесаки, оружие. Совсем рядом были ставшая легендарной Волочаевка, партизанские края. Всё это помогало нашему воспитанию. Были у нас хорошие учителя, и сейчас переписываюсь с одним из них.

– *Считали ли вы себя в 16 лет взрослым?*

– Наверное, да. Война легла на плечи моего поколения. 26 июля 1941 года пришли в школу повестки. И мы, пять человек из класса, поехали в Севастопольское военноморское училище. Ехали почти через всю страну. Всё для нас было новым, интересным. А в августе я был призван в армию. Сейчас я понимаю – на фронте старшие нас щадили. Значит, не настолько уж взрослыми мы были. В дивизионном взводе, где я служил, всем ребятам и девушкам было по 18–20 лет, то есть чуть-чуть больше, чем сегодняшним десятиклассникам.

– *Что вам не нравилось в своем характере, и что вы старались преодолеть?*

– В становлении характера очень помогла армия. Научила твёрдости, мужеству. Вспоминаю время, когда приходилось вырабатывать командирский голос. Не нравилась моя мягкость. Еще в школе старался бороться с этим. Последние годы был секретарем комсомольской организации. Школа была небольшая, сами ребята соблюдали строгую

дисциплину, было самоуправление. Если кто получал двойку, тут же оставались учебные комитеты, строго спрашивали. Часто выступали в посёлке с концертами, докладами.

– *Какие у вас были увлечения?*

– Красивые были места, и самым любимым у нас, мальчишек, было пошататься по окрестностям. Рыбачили, ходили на охоту. У каждого из нас была лёгкая оморочка, девушек на них катали по Тунгуске. И старались перещеголять друг друга – кто весло красивее сделает, кто покрасит как-нибудь. Стали впервые строить спортивные городки, и все увлекались спортом. А еще очень любил Маяковского, тогда он был кумиром молодёжи, зачитывался книгой «Как закалялась сталь». Коллекционировал старинные монеты и медали.

– *Какие из школьных предметов вам пригодились в жизни?*

– В общем-то все, лишних не было. Даже пение оказалось нужным. Много происходит в физике, в биологии, в других науках, и знания, полученные в школе, потом в высшем учебном заведении помогают разобраться в науках. Не обязательно читать научные монографии, но знать основы хотя бы нужно. Любил тригонометрию. Склонность была к гуманитарным наукам, хотя с трудом давался русский язык, который стал потом главным в дальнейшей работе. Самым любимым предметом была история. После демобилизации в 1947 году поступил на исторический факультет и не жалею об этом. Система знаний пригодилась в работе над книгой «Дело о полутора миллионах» и «Дальние вёрсты».

– *Как, по-вашему, в 16 лет у человека должна быть цель или мечта?*

– Тут уж должна быть цель. Мечта – это на всю жизнь, то, к чему стремишься. А цель – путь к мечте. Мечта писать стала для меня и целью.

Я мечтаю о том, чтобы мой сын и дочь чего-то достигли в жизни, нашли своё место и были настоящими людьми. А цель – написать в будущем несколько книг. Сейчас работаю над повестью о молодёжи, в ней будут документальные материалы, как бы перекликаются эпохи. Условное название – «Забытая история».

Хочется выпустить детскую книжку, я её уже пообещал ребятам. Это будет вторая часть книги «Каникулы кота Егора». Называться она будет по имени одного действующего лица – «Знакомая корова».

Кугушев, Л. Бесконечен бег амурских вёрст / Л. Кугушев // Приамурские ведомости. – 1998. – 6 января. – С. 1.

Любой юбилей предусматривают парадность. Это награды, грамоты, дипломы, почётные звания... Общество старательно отдаёт должное юбиляру, и за всем этим возникает порой бронзовый облик в сиянии славы. Все это было вчера у Николая Дмитриевича Наволочкина, когда общественность города и края, литераторы, читатели отмечали его 75-летие. Все высокие регалии у юбиляра к этому возрасту есть: боевые ордена и медали, правительственные награды за мирный труд, звания – заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин города Хабаровска.

Но за всем этим есть самое главное, что не заменишь ничем официальным: любовь читателей. Его любят дети. <...>

Николай Дмитриевич из тех людей, в юбилей которых не принято говорить об итогах. Движение продолжается. Недавно «Приамурские ведомости» опубликовали его новые стихи. Лиричность, философские раздумья, порыв, страсть – все, что свойственно молодой душе. И это тот же самый Николай Дмитриевич, ну никак не подходящий под каноны бронзового юбилея. И ещё одна приятная новость: краевой премией в области литературы и искусства за прошедший год он удостоен за книгу «По особым поручениям».

<...>

Николай Дмитриевич очень любит бродить по городу. Любимый маршрут: улица Муравьёва-Амурского от площади имени Ленина до Комсомольской площади. Как-то в тёплый декабрьский день мы шли с ним, разговаривая о сегодняшней жизни. Вдруг он задумчиво прочитал строки из «Евгения Онегина»:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.

Чем больше человека знаешь, чем больше он известен, тем сложнее о нём писать. Николай Дмитриевич очень известный. Писалось, говорилось о нём много. Так что мой дальнейший рассказ о нём пусть будет мозаикой чувств, впечатлений и ассоциаций, основой которых стали наши беседы в различное время и в различных условиях.

...В кабинете Николая Дмитриевича основное место занимают книжные шкафы. Масса исторической литературы, справочники, энциклопедии, словари. Есть полки книг, написанных и подаренных ему друзьями. Многих, по его грустному замечанию, уж нет. Но он часто перелистывает дорогие эти страницы, возвращаясь в своё прошлое...

Я всегда отношусь с благоговением и с мистическим уважением к вещам, с которыми работал и работает художник. Вот, например, старинный письменный стол на резных тяжелых ногах, с зелёным, чуть выгоревшим от времени, сукном. Там, где сидит пишущий, своеобразный овал – вырез. Бумаги, папки, книги, письменный прибор, любимые безделушки. Здесь создавалось все, что задумывал Николай Дмитриевич. А если ещё представить мысли, образы, сюжеты, добрыми птицами витавшие над писателем бессонными ночами, то картина творчества приобретает волшебную чарующую действительность.

У старинного писательского стола вспомнили мы и шатающиеся кухонные столики, когда после того, как все домочадцы успокаивались, шёл молодой литератор на кухню, чтобы создать нечто своё. Начало всегда приятно вспомнить. Для Николая Дмитриевича это одни из самых теплых воспоминаний:

– У каждого человека есть предрасположение к своему. У меня три брата. Как их называли – сплошные технари. Плюс к этому рыбаки, охотники. Дома всегда были рыба, мясо, осенью гуси, утки. Ну а я с самого раннего детства очень много читал. У отца для нашего небольшого села Николаевка была довольно приличная библиотека. Две мечты в то время появились у меня. Преклонялся перед учителями и перед теми, кто пишет книги. Вот и начал сочинять стихи, старательно отстукивая ногой ритм. <...>

– Школьные годы, отрочество, юность. И война... Для вас, Николай Дмитриевич, это особый пласт. Не прошу детализировать то время, но война серьезно прошла через вашу судьбу, и от этого никуда не деться...

– Нам говорили: договор о ненападении, дружба с Германией и прочее. Но были и другие, более правдивые люди. Помню, учитель истории предупреждал нас: ребята, фашист есть фашист, и верить ему нельзя. Учитель, говоря это, рисковал. Потом я узнал, что он застрелился. Грустная ситуация, впрочем, многие тогда за инакомыслие страдали. На войну мы ехали с чувством не страха, а необходимости. На фронт попал в 1942 году. До этого с ребятами поехал в Севастополь поступать в военно-морское училище. Но нас вернули в военкоматы. Фронт катился со страшной силой, и не до приёма молодых было. Нас готовили в запасном полку в городе Свободном. Когда читал книгу Солженицына «Один день Ивана Денисовича», то для меня открытий в ней не было. Жили мы в тяжелейших условиях. Одеты в б/у, морозы такие, аж соломинки подскакивали и трескались. Из столовой выходили голодными. Плюс моральное состояние. В расположении висел стенд-карта, где флажки каждый день передвигались в наш тыл. Политрук Быструшкин снял их потом, оставив только карту, чтобы события на душу нам так явно не ложились. А потом бои, отступления, наступления. Обычная фронтовая биография.

<...>

По мнению Наволочкина, сегодня мы переживаем в самом худшем виде период первоначального накопления капитала. Начинаем, как говорится, с нуля. Перемены нужны, но не хватает внутренней подготовки, внутренних ценностей у тех, кто сегодня стоит у руля управления. Как проходила первая волна приватизации? За бесценок расходилось государственное достояние, целые отрасли. Кто-то богател на подобных спекуляциях. Много горьких мыслей высказывал Николай Дмитриевич в беседах, но при самой суровой оценке времени он все же остается оптимистом.

– У Оскара Уайльда есть интересный афоризм: «Почему-то всё самое приятное всегда ведёт или к преступлению, или аморально, или приводит к ожирению». Вот и у нас в России происходит то же самое. Сколько нам говорят о начинающемся подъёме. Где он? Приезжаю в свой родной поселок Николаевка. Люди работали, десять тысяч населения было. Лес, охота, рыбалка. А сегодня деревообрабатывающий завод стоит. Устроиться на работу невозможно, потому что её попросту нет. Обнищание сплошное. Естественно, это отражается и на культуре. Люди или не читают, или ищут свою нишу в успокоении. Есть у меня любимый книжный магазин «Знание» на улице Муравьева-Амурского. Покупаются дамские романы, сериалы мексиканские, мыльные произведения. Не виню за это людей, но грустно всё же. Должен сказать, что наиболее старшее поколение ещё сохраняет традиции культуры. Мои друзья, например, читают мемуары, друг у друга берут «Мой курсив» Берберовой, зарываются в томики поэтов Серебряного века. Вот на этой полке стоят книги, вышедшие за последний год. Меня радует то, что есть новые имена, что и нынешние писатели, поэты работают. А ведь в начале так называемой перестройки многие творческие люди растерялись. Сейчас начинаем потихоньку накапливать лучшее. Ведь нам нужно сейчас лечить души людей. В этом и есть роль литературы.

Боль у Николая Дмитриевича такая же, как у всех здравомыслящих людей. Россия должна стать страной законности, и человек в ней должен стать первейшей заботой. Знаю, что многие мысли писателя о дне сегодняшнем воплотятся в образах, сюжетах и строках. Даже пусть это будут исторические романы и повести. Ведь история всегда повторяется.

Закончить хочется вот чем. Переулок Парковый в Хабаровске сейчас носит имя капитана Якова Дьяченко. На Амурском утёсе установлен барельеф солдат 13-го линейного батальона. Все это связано с Николаем Дмитриевичем Наволочкиным.

Дерило, М. Свет долгих лет / М. Дерило // Хабаровские вести. – 2003. – 4 января. – С. 4.

Лешак сейчас, наверное, по-стариковски дремлет на заслеженной поляне. Это старый пенёк с толстыми ногами-корнями, ветками-лапами и бородой из мха. Лешак не любит шума, а люди вечно затевают строительство на облюбованных им огородах. Вот и приходится искать покоя подальше. Если вы его увидите за луковой поляной, обязательно крикните погромче: «Привет, лешак!» Примерно час он помолчит: трухлявый же весь, думать нечем, в голове одни гнилушки! Но всё же дождетесь, ответит, кряхтя и кашляя: «Кхе-кхе-кхе, привет...» Потом можно дальше разговаривать, вопросы ему задавать.

Лешак, а также пугало Игнат, пауки Гошка и Федя, полудница Акуля и другие интересные личности обитают в родовом имении Николая Дмитриевича Наволочкина в Николаевке. На этом месте когда-то стоял маленький домишко деда, в 1924 году выстроили дом побольше, а после войны отец с матерью затеяли новое строительство: кухня, гостиная, маленькая комната... Именно здесь привыкал к деревенской жизни городской кот Егор, каникулы которого так нравятся детворе разных поколений. Именно здесь писателю особенно легко дышится, думается и живётся. В огороде он нашёл старинный – 1874 года! – медный пятак, и увиделось, что носил эту денежку, завернутую в платочек, дед: примета такая, чтоб всегда деньги водились. Ещё в садике своём Николай Дмитриевич обнаружил маленькую винтовую раковину, крохотную миниатюру морской, в которой шумит прибой, и камушки-сердолики, словно обточенные волной, – может, океан лизал когда-то солёным языком эти земли?.. Их улица упирается в озеро Длинное, где до войны цвели священные лотосы. Летом Наволочкин ездит туда на велосипеде – есть надежда, что цветы появятся вновь. А если он идёт пешком, из многих палисадников ему кричат: «Николай, иди погуляй с нами!» Погуляй – значит, посиди, поговори. Знакомцев и родни в Николаевке много. Сейчас она большая, семья героя Шипки и Плевны, полтавского удальца Навличко, ставшая Наволочкиными волею попа, покрестившего одного из хохлацких детей на русский манер.

<...>

Николай хотел после школы стать учителем или писателем. Но мечты и планы пришлось отложить на несколько лет фронтовых.

<...>

Сержантская сумка молодого фронтовика стала легендой в литературном Хабаровске 47-го года: «Приехал поэт – полная сумка стихов!» Наволочкин принёс в журнал «Дальний Восток» свои военные поэтические «итоги», и стихи сразу увидели свет. После учебы в пединституте распределение в книжное издательство, затем долгая работа в журнале, трудные и сладкие муки творчества, новые стихи, проза, документалистика...

Писатель. Это слово таит в себе неведомое и внушает трепет: не должен быть похожим на других такой человек! Непохожесть внушается по-разному: высокомерием и чудаковатостью, таинственностью и невероятной роскошью... Он удивительно добр и светел, наш писатель Наволочкин. Мы сидим в его комнате с шестью книжными

шкафами, диваном и огромным старинным письменным столом с секретными ящиками и тайниками, приобретённым когда-то на Нижнем базаре бывшим хозяином квартиры Николаем Шундиком, пьём чай с мёдом и вареньем и разговариваем. С истории семьи перескакиваем на войну, бредём по старому Хабаровску, говорим о дальневосточных деньгах и модном Пелевине, о Боге и особенностях детской литературы. Он закончил компьютерные курсы и даже разослал своим друзьям сообщение с номером свидетельства. Но компьютер не стал ему родным: Николай Дмитриевич по-прежнему стучит на машинке. А больше всего любит написать рукой – строчки тогда становятся тёплыми.

Он смеётся на мою просьбу написать хабаровчанам пожелание в Новом году: «Буду оригинален!» – и размашисто пишет: «Дорогие друзья! Счастья вам и здоровья, а раз здоровья – значит долгих лет жизни! Н. Наволочкин».

Следующие две статьи посвящены одному из увлечений Николая Дмитриевича – нумизматике. Интересную историю о том, что связывает семью Наволочкина с поиском одного легендарного клада, рассказал А. Чернявский, а Р. Мезенцев поведает о процессе поиска писателем ценных древних монет.

Мезенцев, Р. Четверг, семь вечера / Р. Мезенцев // Молодой дальневосточник. – 1967. – 1 октября. – С. 4.

– Кто берет Венгрию?

– Я беру Венгрию и Болгарию.

– Отлично. А на Польшу охотники есть?

– Есть!

Склонившись над столом, несколько человек «делят Европу». Тут же ведутся денежные операции. Французские франки, итальянские лиры, греческие драхмы...

А за окном проходят сотни людей, но никто не подозревает о том, что происходит здесь, в красном уголке краевого управления связи.

Каждый четверг к семи часам вечера сюда приходят нумизматы, бонисты, филателисты, филокартисты... Одним словом, люди, увлечённые, одержимые одной, но пламенной страстью – коллекционированием. <...> Одни собирают почтовые марки, другие – монеты или бумажные денежные знаки, третьи – значки, четвёртые – художественные открытки...

<...>

Коллекционирование – это поиск.

Писатель Николай Дмитриевич Наволочкин обладатель интересной

нумизматической коллекции (около тысячи монет), рассказал мне такую историю. Как-то в понедельник утром товарищи ему сказали: «Вчера на базаре какой-то чудаки ходил с целым мешочком монет. Продавал». Дождавшись следующего воскресенья, Николай Дмитриевич отправился на рынок. Конечно, «чудака» с монетами он не встретил. Ругая себя за напрасно потраченное время, собрался было уходить, как вдруг натренированный глаз нумизмата выхватил из хаоса гвоздей, крючков и подковок тусклый металлический кругляш.

– Что это?

– А кто его знает, – позевывая, ответил старик.

Наволочкин разглядел на монете (да, это была она!) полустершийся трезубец. «Постой, постой, никак это герб князей Рюриковичей?..». Приехав домой, он заглянул в нумизматические «святцы». Никакого сомнения, она! Монета, отчеканенная на Руси 800 лет назад – серебряный Ярослав Мудрый!

Можно было сказать немало любопытного о той или иной коллекции, о самих филателистах, нумизматах... Но лучше приходите-ка сами в этот клуб увлечённых. Лучше один раз увидеть... Запомните день и час: четверг, в семь вечера...

Чернявский, А. В поисках клада / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2014. – 13 августа. – С. 3.

<...>

Известный хабаровский писатель Николай Дмитриевич Наволочкин, автор многих книг о войне, о капитане Дьяченко и т. д. Кроме того, у него было увлечение нумизматикой, в этом деле он хорошо разбирался и слыл авторитетом. Среди его книг есть такие, которые написаны им как бы по особому самозаданию. Это книга о старых деньгах («Дело о двух миллионах») и повесть о жизни и смерти Сергея Петровича Щепетнова, известного дальневосточного большевика.

Книга о комиссаре просвещения Дальсовнаркома Сергее Прокопьевиче Щепетнове не произвела на меня большого впечатления – не было у героя-большевика ярких поступков в жизненных ситуациях времён гражданской междуусобицы. Но финал в книге жизни героя был трагическим. В беседе с писателем для газетной рецензии, помнится, прозвучало такое его признание: Щепетнов был хорошо знаком с отцом Наволочкина, да и родом он был из Николаевки, что и Наволочкин.

Сергей Прокопьевич Щепетнов – народный учитель, организатор и член правления Иmano-Хабаровского союза народных учителей (примерно 200 человек), а также член Дальсовнаркома в г. Николаевске, организатор партизанской борьбы. В феврале 1919 года был жестоко казнён белогвардейцами и сброшен в амурскую прорубь.

Понятное дело – за большевистскую принадлежность, организацию партизанского движения. Но, видимо, человек этот владел тайной, которую у него белые пытались выведать. Года два назад дальневосточные средства массовой информации проявили интерес к поискам кладов, возможных захоронений золота и драгоценностей. Конкретики в этих розысках было недостаточно. А вот легенд хватало. Одна из них самая, пожалуй, известная – легенда о кладе комиссара просвещения Щепетнова.

Вот одна из версий. По слухам, в начале XX века в поселке Николаевка он закопал 16 винтовок и 8 пудов золота – с расчётом развернуть на эти деньги партизанское движение на Амуре.

К лету восемнадцатого года Совнарком откомандировал Щепетнова вывезти золото. Скопилось его уже немало: и от царского казначейства что-то осталось, и новое – с нижеамурских приисков. Комиссар прибыл в Николаевск-на-Амуре, где часть золота сдал, а с оставшимися 32 килограммами драгоценного металла отправился в родную деревню Николаевку.

Золото и оружие Совнарком выделил Щепетнову на точно поставленную цель: развернуть по приходу белых под Хабаровском партизанское движение. Щепетнов провёл в Николаевке несколько часов, спрятал клад и помчался догонять отступающий Совнарком.

Зимой, когда белые прочно обосновались в Приамурье, Сергей Прокопьевич Щепетнов возвращался из Благовещенска в Николаевку для сбора партизанского отряда. По дороге он заболел, послал из Новокаменки посыльного за женой. Но белогвардейцы посыльного выследили и вызволили из Хабаровска офицерский конвой.

Щепетнова и ещё одного красногвардейца, Дмитрия Наволочкина – отца дальневосточного писателя – арестовали. День арестованные просидели в избе николаевского лоцмана. Тогда-то Щепетнов и поделился с товарищем по несчастью своими планами насчёт закопанного золота и винтовок. Ночью Дмитрий попросился у часового в туалет, а тот, чтобы далеко не водить, отправил его в стойло для коров. Дмитрий только зашёл, сразу и вспомнил, что здесь обязательно должно быть окошко для удаления навоза. И - дал бог ноги!

Комиссар Щепетнов по дороге в Хабаровск был убит.

Сам Дмитрий Наволочкин уцелел, но поисками золота не занимался. Однако его сын Николай в существовании золота был уверен. И даже знал подходящие места для экспедиции – одно на другом берегу Тунгуски, напротив Николаевки, другое тоже рядом – на берегу протоки.

Такая информация висит на одном из сайтов в Интернете. Достоверна ли она? Дмитрий Николаевич Наволочкин недавно ушёл из жизни – его теперь не спросишь. Да и много ли он знал?

Другой хабаровский сайт развивает легенду о кладе комиссара Щепетнова так: «Судьба этих суперкладов (золота Колчака, казны Тряпицына) прояснится не скоро. А вот «захоронки», о которых рассказывал писатель Николай Дмитриевич Наволочкин – пусть не такие масштабные по цифрам, – могут, пожалуй, всплыть ещё при нашей жизни. Николай Дмитриевич нисколько не сомневался в том, что золото комиссара Щепетнова под Николаевкой до сих пор ждёт терпеливого кладоискателя. Пусть даже отец писателя поисками золота не занимался, но что-то он знал от комиссара Щепетнова, и, наверно, в семье об этом велись разговоры, коль его сын уверенно называл два места его захоронения.

Их ищут местные энтузиасты, правда, пока безрезультатно. Равно как ничего не известно о части золотых запасов адмирала Колчака, похищенных при перегрузке ящиков в бухте Провидения; о грузе золотых монет затонувшего в Уссурийском заливе грузопассажирского парохода «Варягин»; о сокровищах игуменьи Олимпиады,

руководившей единственным на Дальнем Востоке женским монастырём и спрятавшей собранные здесь ценности; о кладах староверов, которые, якобы, были первыми «чёрными копателями» и грабили чжурчженьские захоронения.

Легенды, легенды, легенды... Без них скучноватой была бы наша жизнь.

Раздел 3. Литературное творчество

Только истинный волшебник слова, человек, блестяще владеющий поэтическим мастерством, может поднять литературный труд, литературное произведение до вершин художественного творения. Такое таинство было подвластно Николаю Дмитриевичу Наволочкину.

Николай Кабушкин

Творчество Николая Дмитриевича очень многообразно. Им написаны и стихи, и проза, и исторические документальные труды. Среди его детских произведений особенно знамениты «Каникулы кота Егора» и продолжение книги – «Знакомая корова», известны также повести «Полудница Акуля», «Жили-были...», «Бор-бос» поднимает паруса», «Андрейка-путешественник», «Как лечили Деда-Мороза». Написаны им и замечательные детские стихи, весёлые и добрые.

Из творчества для взрослых читателей многим полюбили юмористические повести «После дождичка... в среду». Отдельно стоит отметить произведения Николая Дмитриевича как писателя-фронтовика: «Шли радисты», «Жди ракету». То, что увидел и пережил писатель на войне нашло отражение в этих повестях и стихах, объединённых сборником «Обратная связь».

Николаем Дмитриевичем были созданы такие произведения как «Амурские вёрсты», «Забытая история», «По особым поручениям» – исторические книги, написанные на документальной основе. Выделяется среди трудов писателя книга-исследование «Дело о полутора миллионах», повествующая о денежном обращении на Дальнем Востоке и интересных случаях, с ним связанных..

Автор первой статьи в разделе о творчестве – Александра Николашина – писательница и в настоящее время главный редактор журнала «Дальний Восток». Материал содержит впечатления от разных произведений Николая Наволочкина и их анализ.

Николашина, А. Незаносчивое слово, в котором тайная беда / А. Николашина // Дальний Восток. – 2003. – № 1. – С. 182–184.

Когда-то, уже очень давно, мне было девятнадцать лет. И я сдавала на первом курсе в ДВГУ[□] экзамен по дальневосточной литературе. С тех самых пор душу мою томит тайный стыд и потребность в покаянии.

Я для своих юных лет была вполне начитанной девочкой – и русская классика мне была знакома, и зарубежная, и даже «самиздат». Уж так сложилось, что выросла я в семье книжной и имеющей доступ к литературе, многим советским людям недоступной: друзья-диссиденты привозили маме с папой Булгакова, Замятина, Солженицына, Мандельштама и Ходасевича, а я, еще школьница, набрасывалась на эти худо отпечатанные странички – четвертый или пятый машинописный экземпляры – с жадностью человека, сорок дней проплававшего в открытом море и не евшего ничего, кроме голенищ своих же сапог (сравнение неслучайно – героями моего детства были чудом спасшиеся матросы, жестоким ветром унесённые на барже в океан).

Отсюда – юношеское высокомерие. Живые писатели, которых официально издавали большими тиражами, казались мне не стоящими внимания: их творчество, на мой недалёкий взгляд, априори укладывалось в определение – советская пропаганда...

И вот вытащила я билет, в котором было обозначено: «Броепоезд 14-69» Всеволода Иванова и «Амурские вёрсты» Николая Наволочкина.

Ни того, ни другого я не читала. Даже примерно не представляла, что в этих книгах написано.

А экзамен сдавать было нужно.

Что я плела и как выкручивалась, вспоминать не хочется. Однако ощущение острого позора осталось надолго. Я не люблю выглядеть полной дурой, а так оно и было, поскольку симпатичная тетенька-экзаменатор по доброте душевной ни за что поставила мне «тройку» и сказала с печалью: «Вы зря так плохо относитесь к дальневосточной литературе. В «Амурских вёрстах» есть очень красивые страницы»...

Мне понадобилось лет двадцать, чтоб признать её правоту.

В «Амурских вёрстах» действительно есть потрясающие страницы: как те, например, где осуждённая на сахалинскую каторгу за убийство насильника девушка Глаша встречает на Амуре, на встречном транспорте, своего забритого в солдаты жениха Игната, и как начальство, вникнув в ситуацию, разрешает влюбленным свидание – только на одну ночь. Как семья переселенцев, снимаясь с места, приглашает с собой в дальний путь дедушку-домового. Как тонко ведут переговоры русские офицеры с китайскими князьями. Как прекрасен, наконец, Амур – и при ясной, и при грозовой погоде: «Следующий день, словно в награду за перенесённый шторм, выдался тихим и безоблачным. Михаил Александрович, пропуская баржи, сидел в своем домике у откинутой кошмы и записывал в дневник: “На душе грусть, а природа улыбается, так она хороша... Против нашей баржи – забoka с разнообразной растительностью. Повыше – гранитная скала, поросшая ольхой, осиною, березняком и черемухами. Сквозь яркую зелень просвечивает фон горы тёмно-коричневого цвета, и в середине отвесной скалы пробита природою дверь со сводом в глубокую пещеру, справа – круглое отверстие, вероятно, в ту же пещеру. Чудо хорошо!”»

Михаил Александрович – это декабрист Бестужев, и строчки в его дневнике не придуманы автором. Михаил Александрович их однажды в самом деле бегло набросал на берегу Амура в свою походную тетрадку, а Николай Дмитриевич Наволочкин, историк по образованию, спустя сто лет собирал в архивах материал для романа, нашел среди прочих документов дневник Бестужева, и вплёл его, как золотую ниточку, в ткань своей прозы.

И XIX век, настоящий, не стилизованный, стал фоном просвечивать сквозь яркую зелень современного языка и сочинённых автором характеров и судеб.

Как та тёмно-коричневая гора.

Это дало глубину и перспективу, и спокойную интеллигентную интонацию. Ни избыточного пафоса, ни тем более советской пропаганды в романе нет и в помине... Как и во всех других произведениях Николая Дмитриевича.

Потом я повзрослела, пришла работать в Хабаровское книжное издательство и однажды принесла своему пятилетнему сыну Егору книжку Николая Дмитриевича, выпущенную нашим издательством: «Знакомые кота Егора». Издана она была не ахти как – в мягкой обложке, без цветных картинок... Дети не очень любят такие книги. Но я подумала, что мальчику будет интересно послушать про своего тёзку. Оказалось, интересно – не то слово.

Ребёнок заставил меня читать книжку раз двадцать подряд, и каждый раз хохотал, как сумасшедший. Особенно ему понравились козёл Козёл, Старая Ворона и тот эпизод, где кот Егор испугался рака. Эта книжечка, замусоленная и обтрёпанная, до сих пор стоит у него на полке – мальчик легко расстался и с роскошным раззолочённым Андерсеном, и с братьями Гримм, и со сказками Пушкина, а невзрачную на вид книжечку Наволочкина подарить маленьким племянникам не позволил. Это, сказал, моя любимая книжка.

И вот тут мне стало, во-первых, стыдно за свой давний юношеский снобизм (ведь у детей – безошибочный вкус и бесспорное чувство юмора), а во-вторых, я поняла одну очень важную вещь: хороший писатель вовсе не обязательно должен быть всемирно знаменит. Если бы Николай Дмитриевич жил в Москве, то уж, поверьте, «Кот Егор» был бы известен на всю страну не меньше, чем, допустим, «Дядя Фёдор» Эдуарда Успенского. Просто так сложилось, что все мы живем в провинции, а не в столице. Тем приятнее, что у нас есть писатели такого уровня, как Наволочкин.

Потом прошло ещё лет пятнадцать, и Николай Дмитриевич подарил мне свою небольшую книжку стихов (он очень многосторонний автор – ему и документальная, и историческая, и военная проза, и детская литература, и стихи – всё по плечу. Про певцов с таким диапазоном говорят, что им доступны восемь октав. Ну, может быть, не восемь, может быть, меньше, но всё равно много).

Так вот, о стихах.

Не скажу, что я каждый день их читаю и перечитываю. Конечно, нет. Но изредка открываю, и какие-то строки помню наизусть:

Я начинаю новую тетрадь,
Чтоб записать всего одну лишь строчку:
«Нельзя же так надолго уезжать», –
А чуть пониже час, число и точка.

Это правда. Это каждый хотел бы вздохнуть вслед дорогому человеку: «Нельзя же так надолго уезжать»... Но вздохнул и сказал только один Николай Дмитриевич.

Кстати, когда сборничек «Обратная связь» под настроение ложится мне в руки, я вспоминаю Давида Самойлова:

Стихи читаю Соколова –
Не часто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

Мне кажется, что то же самое можно сказать и о Наволочкине: «Незаносчивое слово, в котором тайная беда». Незаносчивое, потому что никого не пытается поразить: ах, какую я придумал рифму! Какую изобрёл метафору! Никаких внешних эффектов в стихах Николая Дмитриевича нет. И на истину в последней инстанции он не претендует. Что меня, например, радует – терпеть не могу поэтов (и прозаиков тоже), безапелляционно вещающих абсолютные истины. Эти истины ведь у каждого свои... И тайная беда, на мой взгляд, в литературном произведении предпочтительней откровенной трагедии.

Телефон за стеною
У соседа в квартире
Звонит и звонит,
Будто мне после боя
Друг мой Лёнька Просвирын
Зуммерит... Зуммерит...

Ведь можно же было красочно воссоздать бой, в котором погиб Лёнька, а Наволочкин описывает всего лишь городскую квартиру и телефон за стенкой, который спросонья кажется зуммером, потому что войну не так-то просто убрать из памяти. Зуммерит тайная беда... Не знаю, как кого, а меня этот ночной звонок за стенкой убеждает в искренности поэта гораздо больше, чем детальные описания батальей у других авторов.

«Старший сержант – самое высокое звание, которое я получил на фронте, – написал Николай Дмитриевич в предисловии к сборнику. – Так подписывались и мои стихи, опубликованные тогда в дивизионной газете “В бой”».

...Неужели прошло 55 лет со Дня Победы? В это верится с трудом. Но вот передо мною лежат стихи, написанные старшим сержантом Наволочкиным в 1943–44 годах. Что ж, и в поэзии я остался старшим сержантом, жаль только, что не вернуть годы, когда я носил это звание».

В этих словах – весь Николай Дмитриевич с его удивительной интеллигентностью и скромностью, безусловно входящей в это понятие (иные-то поэты, даже молодые, издав одну книжку стихов, сразу начинают себя считать генералами – чувство юмора при оценке собственного творчества многим отказывает напрочь). Многим, но только не Наволочкину.

Статья Николая Роголя – писателя и главного редактора журнала «Дальний Восток» с 1955 по 1977 годы – ёмко, в общих чертах рассказывает о творчестве Николая Дмитриевича Наволочкина. Он анализирует все произведения, от детских до исторических, обращая внимание на особенности творчества писателя.

Пожалуй, далеко не каждому выпадает такая доля: собственное знакомство с миром начинать с событий подлинно легендарных, налагающих потом свой отпечаток на всё, чем ты будешь занят в жизни. Для Николая Дмитриевича, выросшего буквально на «полях волочаевских» и в семье участника гражданской войны на Дальнем Востоке, героическая эпопея борьбы с интервентами, а затем трудовой пафос строителей первых пятилеток как раз и составляли ту морально-политическую атмосферу, в какой происходило формирование мировоззрения комсомольца-школьника.

А затем – армия, участие в сражениях Великой Отечественной войны на Центральном, Первом и Втором Белорусских фронтах, ранение, госпиталь. После демобилизации из армии – учёба в Хабаровском государственном педагогическом институте и литературная работа, к которой его тянуло ещё со школьных лет. Теперь он, как поэт и писатель-прозаик, отдаёт литературе время за своим письменным столом.

«Дорогие мои земляки» – так названа первая из двадцати вышедших в свет книжек Наволочкина – сборник стихов, которым он дебютировал в 1953 году. Дальний Восток – его природа, советская новь края и его славная история, а главное, замечательные люди, которые здесь живут и охраняют дальневосточные рубежи страны, – вот содержание и поэзии Наволочкина, и особенно его полюбившихся юным читателям книжек для детей.

Писатель вводит ребят в тот мир, который он сам когда-то открывал для себя на этой же героической земле Приамурья; населяет его яркими, доступными для детского восприятия образами, учит понимать, что такое Родина. И делает он это с мягким юмором, с весёлостью и занимательностью, которые так ценят и любят наши дети. О направленности, целеустремлённости его книг говорят уже их названия: «Как Алёнка поила телёнка», «Грамотей», «Андрейка-путешественник». «Жили-были», «Ребята нашего двора», «Песенка о друзьях». Каждая книжка чем-то обогащает ребенка, обращает его внимание на какую-то сторону жизни. По-иному, глубже оценит, например, многие, казалось бы, обыденные для него факты юный читатель повести «Каникулы кота Егора» – книжки весёлой, увлекательной.

Две повести писателя – «Шли радисты» и «Жди ракету» – посвящены теме Великой Отечественной войны. Обе книги в известной мере автобиографичны. Героями их – солдатам и офицерам – свойственно, прежде всего то, что на войне они отчетливо проявляют те замечательные черты характера советского человека – идейную коммунистическую убеждённость, интернационализм и советский патриотизм, стойкость, которые партия настойчиво воспитывала в народе.

Н. Д. Наволочкин – историк по образованию. Историческая тема привлекает Н. Наволочкина и как литератора. Его очерки «Дело о полутора миллионах», вышедшие отдельным изданием в 1969 году, не только увлекательное чтение по истории денежных знаков на Дальнем Востоке в годы революции и гражданской войны, но и самостоятельное, пожалуй, первое научное исследование этой темы.

В последующие годы писатель обращается к одной из ярких, но мало освещённых в литературе страниц истории освоения русскими людьми земель Приамурья. Он действует и как историк-исследователь, и как художник, воссоздающий образы людей, чьими трудами были заложены Благовещенск, Хабаровск, десятки других, ныне многолюдных сёл и посёлков по Амуру и Уссури. В только что законченном историческом повествовании

«Амурские вёрсты» Н. Наволочкин воспроизводит обстановку середины прошлого века, когда окончательно завершено было присоединение Приамурья, Приморья, Сахалина – этих исконно русских земель – к России.

Пожелаем же Николаю Дмитриевичу новых творческих успехов, хорошего здоровья, счастья!

Следующая статья интересна и необычна. В ней подробно рассматривается образ кота Егора из повести «Каникулы кота Егора»: чем он схож с другими котами, персонажами разных классических произведений, а чем от них отличается.

Лобанова, А. А. Традиционность и самобытность образа кота Егора в повести Н. Д. Наволочкина «Каникулы кота Егора» / А. А. Лобанова // Культура и наука Дальнего Востока. – 2018. – № 2. – С. 147–150.

Образ кота довольно часто встречается в мировой литературе, в каждом конкретном случае он несёт с собой определённую коннотативную окраску. В устном народном творчестве кот чаще всего является защитником дома, хранителем спокойствия ребёнка. В сборнике детских народных «Песенок» О. И. Капицы кот предстаёт в роли няньки для ребёнка: «Котик-коточек, приходи к нам на денёчек. Нам ни спать, ни лежать, а всё Машеньку качать». То же значение можно обнаружить и в сборнике «Русских народных колыбельных песенок» Л. И. Александровой: «Приди, котенька-коток, Приди, серенький хвосток, Приди, котик, ночевать, Приди с Костенькой играть. Уж как я тебе, коту, За работу заплачу: Шубку новую сошью И сапожки закажу».

Ещё одной формой устного народного творчества являются сказки, в них образ кота представлен с разными отличительными чертами. Например, в сказке «Кот, дрозд и петух» петуха от хищных лап лисицы спасает кот, исполняя роль защитника своих друзей. Во множестве других сказок этот персонаж изображён хитрым и живучим зверем. Так, в «Лисушкиной свадьбе» дано такое описание кота: «Я-кот-медный лоб, Ножками топ-топ, Глазами хлоп-хлоп! На печи сажу, Востру шапку держу, Кто ко мне в хату войдёт, Тот живым не уйдёт! Убирайся, лиса, Не мозоль мне глаза!». С помощью хитрости и грозного вида кот спасает свою жизнь и остаётся невредим. В пословицах и поговорках облик кота окрашен в негативные тона. Кот олицетворяет принуждение, связывается с недостатком и неизвестностью чего-либо, сложностью, кратковременностью счастливых дней.

Самой известной литературной сказкой с участием кота стало произведение А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в ней кот выполняет функцию проводника и стража между сказочным и реальным миром. В сказке К. Коллоди «Приключения Пинокио» кот предстаёт как отрицательный персонаж. Интересен образ Чеширского Кота из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Кот не характеризуется с какой-то положительной или отрицательной стороны, скорее является нейтральным персонажем, сопровождающим главную героиню по ходу сюжета. В роли помощника выступает ещё один известный кот из сказки Ш. Перро «Кот в сапогах».

В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Бегемот – многогранный и неоднозначный персонаж. Кот выступает не только в роли спутника Дьявола, но и является олицетворением силы, которая глумится над злом, исходящим от людей, их

порочностью и неразумностью. Ещё один кот, олицетворяющий собой потусторонние силы, присутствует в рассказе Э. По «Чёрный кот». Здесь животное воплощает роковое предостережение страшной и неотвратимой смерти.

Итак, в литературе образ кота представлен в следующих ипостасях: 1) кот-помощник и защитник (в устном народном творчестве это русские колыбельные песенки «Приди, котенька-коток» и народные сказки, например, «Кот, дрозд и петух», «Кочеток, заяц да котик»: в литературных сказках образы Кота в сапогах, Чеширского кота); 2) кот-злодей («Приключение Пинокки»); 3) мистический кот («Руслан и Людмила», «Мастер и Маргарита», «Чёрный кот»). В целом, наблюдается разделение образов кота на две группы персонажей: «положительные» и «отрицательные», в таком распределении отражается двойственное отношение людей к этим животным, их загадочной природе и необычным повадкам. Образ кота репрезентирует множество черт и коннотативных оттенков: от предельно добрых до коварно-мистических.

Николай Дмитриевич Наволочкин, дальневосточный писатель (участник Великой Отечественной войны, почётный гражданин г. Хабаровска), создал совершенно неординарный образ кота в повести «Каникулы кота Егора» (1972). Это произведение наполнено светлым юмором, добротой и умными мыслями, обращёнными к читателям. Кот Егор сочетает в себе множество традиционных и сугубо индивидуальных черт.

Основу сюжета повести составляет приезд городского кота в деревню «на гостины». Это событие чрезвычайно волнует других героев повести: петуха Петю, старого пса Люкса, воробья и других животных, которые живут в деревне. Будучи сугубо городским жителем, кот Егор «очень, даже чересчур, вежливый и воспитанный»; утро его проходило размеренно, он «неторопливо ел, слушал, как его похваляют, а потом, потянувшись, уходил на диван вздремнуть». После завтрака Егор укладывается спать, в обед перекусывал с хозяевами и затем взбирался на подоконник, чтобы посмотреть, что делается на улице. На улице кот побывал всего один раз, это была получасовая прогулка, которая закончилась плачевно – он перепутал этаж и не мог найти свою дверь, после чего перепуганный гуляка на улицу не просился. Запомнилось ещё одно значительное событие из жизни Егора. Однажды мальчики со двора достали где-то белую мышку и принесли её в подарок коту Егору. Они думали, что он её быстро поймает, но ошиблись, ведь Егор не ловил мышей, а когда мышка «побежала на кота», то Егор «скаканул вбок, потом прыгнул на диван», попросту испугался. Образ воспитанного, умного кота не новый для русской культуры, сразу вспоминается учёный кот А. С. Пушкина: «...И днём и ночью кот учёный Всё ходит по цепи кругом; Идёт направо – песнь заводит. Налево – сказку говорит...». В тексте повести Н. Д. Наволочкина Егор ходит не вокруг дуба, а вокруг ёлочки и просит её зажечься: «...Тогда из кухни пришёл Егор. Он встал на задние лапы, передние заложил за спину, точно так, как это делал мальчик, и стал ходить вокруг ёлочки. Походил он, походил, посмотрел на спящего мальчика и вдруг сказал: – Ну-ка, ёлочка, зажжись!..». Будучи городским котом, Егор плохо перенёс поездку в деревню, это было для него настоящим испытанием, он «половину дороги орал», причём его мяуканье напоминало звуки транзисторного приёмника. В русской литературе есть образ кота, который, наоборот, ничуть не боялся поездок по городу, особенно в трамвае. Речь идёт о знаменитом Бегемоте: «... Кот оказался не только платежеспособным, но и дисциплинированным зверем. При первом же окрике кондукторши он прекратил наступление, снялся с подножки и сел на остановке, потирая гривенником усы. Но лишь кондукторша рванула верёвку и трамвай тронулся, кот поступил как всякий, кого изгоняют из трамвая, но которому все-таки ехать-то надо. Пропустив мимо себя все три вагона, кот вскочил на заднюю дугу последнего, лапой вцепился в какую-то кишку,

выходящую из стенки, и укатил, сэкономив, таким образом, гривенник». Любопытно отметить, что внешнее описание этих двух персонажей очень схожее. Егор предстаёт перед читателем «большим чёрным котом, с синим бантиком на шее». Бегемот показан «...громادным, как боров, чёрным, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами...».

Но если у М. А. Булгакова кот Бегемот – персонаж неоднозначный, обаятельный, но олицетворяющий собой демонические силы, то у Н. Д. Наволочкина кот Егор не имеет отрицательной коннотативной окраски. Даже в начале повести инстинкт хищника у Егора не пробуждён, впрочем, это не мешает воробью интуитивно бояться нового гостя: «... он [воробей] запыхался, был чем-то взволнован, быстренько юркнул в скворечник и уже оттуда спросил: – А он, кот этот, воробьёв ест?..». В последующих главах кот задаётся целью поймать мышь, он считает это своей обязанностью, долгом, ведь удивить деда с бабкой талантами в виде кувырков, вставания на задние лапы у него не получается. Кот Егор приходит к выводу, что в деревне «коты ценились только тогда, когда они ловили мышей...». Эту цель Егор выполняет на «отлично» в главе «Подвиг кота Егора», в ней герой ловит даже не мышь, он борется со зверьком, у которого «гибкая спина и белые острые зубы». В конце сражения выясняется, что это был хорёк и крался он к курятнику, чтобы поживиться яйцами, а может, и курочкой.

Таким образом, кот в описанной ситуации выступает в роли защитника дома, его обитателей. Яркое воплощение такой ипостаси можно увидеть в русских народных сказках, одна из них называется «Кочеток, заяц да котик». В ней кочеток зовёт кота спасти его от лисицы: «...Вот и зовёт кочеток котика: Котинька-мотинька! Меня лиса тащит... Котинька, заступись! Мотинька, помоги! Котик из-под печки вылетел да вдогонку за ним. Догнал лису, шаркнул её лапой – она и покатила, и мешок вырвался из лап...».

Хотя после такого случая кота Егора все зауважали, сам он остался собой недоволен, ведь поставленной перед собой цели он не достиг: «Опять не то, – думал он. – Когда же я поймаю настоящую мышь!». Случай для достижения цели представился уже через некоторое время, «...он увидел, а может, просто почувствовал, как за поленницей что-то мелькнуло. В ту же секунду, совершенно не раздумывая, зачем он это делает, Егор бросился вниз. Лапы его сами схватили серенькую мышь. Егор знал – наконец-то он поймал настоящую мышь!..» Этот пример наглядно характеризует героя, его основательность, целеустремлённость, серьёзное отношение к происходящим в жизни событиям. В главе «Галя идёт в школу» автор рассказывает о том, как девочка пошла в первый класс, а Егор преподнёс ей мышку в подарок, напутствуя её таким образом. Тему напутствия, сопровождения можно увидеть и в сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Обитатели двора часто обращаются к Егору за советом, например, когда вылупились цыплята Пеструшки, их нужно было посчитать. Старый пёс Люкс умел считать до двух, петух Петя был необразован, поэтому обратились к коту Егору за ответом: « – Сколько будет два да ещё один? Подумал Егор, пожмурился, повилял хвостом и ответил:

– Много!

– Много, – обрадовался Петя. – Теперь у нас много цыплят!..».

Итак, образ кота, который создал Н. Д. Наволочкин, имеет положительную коннотативную окрашенность. Егору присущи традиционные черты, такие как: 1) защитник дома и своих друзей; 2) мудрый наставник; 3) хищник по своей природе.

Индивидуальность образа заключается в том, что, будучи городским жителем, кот Егор проходит путь перевоплощения, он становится настоящим котом, по мере развития сюжетной линии в нём раскрываются «традиционные» черты, присущие персонажам-котам. Егор приобретает новых друзей, уже не боится дороги до деревни, в нём сосуществуют теперь два мира: «городской» и «деревенский».

Ещё один подробный анализ посвящён образу полудницы Акули – главной героини одноимённой повести Николая Дмитриевича. О том, что это за сказочный и мифологический персонаж – полудница, в чём её особенности и как этот персонаж изображён в повести Николая Наволочкина, расскажет статья.

Бобрикова, Ю. В. Все о Бабе-яге / Ю. Бобрикова // Словесница искусств. – 2012. – № 1. – С. 9–10.

<...>

Персонажи, сходные с Бабой-ягой, известны практически во всех мифологиях и культурах. Например, говоры старожилов Амурской области и Хабаровского края, известные как русские говоры Приамурья, содержат три разных наименования одного и того же сказочного персонажа – полудница. Это говорит о популярности данного мифологического образа у казаков-переселенцев. В Словаре русских говоров Приамурья читаем три разные словарные статьи:

«1. Полудница (устаревшее). Мифологическое чудовище вроде Кикиморы или Бабы-яги, которым пугали детей. А детей у нас полудницей пугали. Она как Кикимора, мохнатая, как кошка. Баба-яга огородная она;

2. Болуница. Сказочное существо, которым пугали детей. Болуницей детей пугали: вон в горохе болуница сидит;

3. Полудушка (устаревшее). Страшное мифологическое существо. Не ходи в огород – там полудушка».

Полудница – общеславянский мифологический персонаж, о чём свидетельствует энциклопедия «Мифы народов мира»: «Полудница (польское и словенское *poludnica*, чешское *polendice*) в славянской мифологии полевой дух в виде образа девушки в белом платье с длинными волосами или косматой старухи, появляющейся в поле и преследующей тех, кто там работает. Воплощение солнечного удара. Полудница может свернуть шею, похитить ребёнка, оставленного в поле. Полудницей также пугают детей, забирающихся в огороды». Имя этого мифологического персонажа восходит к двум словам: поле и полдень (появляющаяся в поле в полдень).

Интересно, что в народном сознании носителей русских говоров Приамурья образ Полудницы соотносится с образом Бабы-яги и воспринимается как нечто страшное, чудовищное и опасное. Показательно, что этот мифологический персонаж сохранился именно в диалектной речи и, благодаря народным говорам, не только не был утрачен, но и продолжил свою жизнь в замечательной повести-сказке «Полудница Акуля» известного дальневосточного писателя Николая Наволочкина. Так же, как и в современных литературных сказках о Бабе-яге (М. Мокиенко «Как Бабы-яги сказку спасали», Э. Успенский «Вниз по волшебной реке», А. Усачёв «Баба-яга – Золотая нога»

и др.), где главная героиня больше похожа на добрую деревенскую старушку, которая уже не делает гадостей и совсем не ест людей, в повести Н. Наволочкина Полудница – это не страшное полевое чудовище, а, напротив, добрый дух, заботливо следящий за порядком в огороде. У неё даже имя доброе, деревенское – Акуля.

В предисловии к повести-сказке писатель акцентирует наше внимание на доброте главной героини: «Давным-давно, когда я был совсем маленьким, все мальчишки нашей деревни знали, что в огороде живет бабка полудница, ростом с валенок. Она охраняет и холит огород и следит, чтобы мы зря не баловались на грядках... Но полудница добрая, а в наше время так не хватает доброты...». Полудница Акуля знает язык зверей и птиц, общается с ними на короткой ноге, дружит с пугалом Игнатом, помогает взойти молодым росткам, выгоняет корову, случайно забредшую в огород, однако хозяевам не показывается, маскируется под кучу огородного мусора.

Вот так страшная колдунья, огородная Баба-яга, пугающая и ворующая детей, превратилась в заботливую деревенскую бабушку, помогающую людям, оберегающую их посевы. На наш взгляд, это неслучайно. Сегодня, когда в мире господствуют информационные технологии, когда дети гораздо лучше умеют играть в компьютерные игры, нежели читать книги, когда сама книга стала в большинстве случаев электронной, так не хватает сказки с традиционными мифологическими персонажами и так хочется, чтобы эта сказка была доброй и противостояла своей добротой мультяшным роботам-киборгам и другим, инородным для нашей культуры, злодеям.

О романе «Амурские вёрсты» и об образе Якова Дьяченко расскажет следующая статья. Здесь подробно описана судьба книги, её историческая подоплёка, персонажи, появляющиеся на её страницах и многое другое.

Абдрашитов, А. Капитан Дьяченко – страж земли российской / А. Абдрашитов // Пограничник – это судьба. – Хабаровск, 2003. – С. 36–41.

Бесполезно спорить о том, что книги имеют свою судьбу. Если говорить о романе Николая Наволочкина «Амурские вёрсты», нельзя не отметить: книга получила судьбу длинную, жизнь интересную, протяжённую и немеркнущую, потому что родилась под пером настоящего мастера и в очень подходящее время. Книга Наволочкина стала тогдашним ответом на реальные события. Именно в её тогдашней злободневности кроется секрет долговечности романа.

В памятные годы, последовавшие вслед за даманскими событиями, в полный рост встал извечный пограничный вопрос. По причине цензурных ограничений текущая повседневность раскрывалась тогда широкому читателю всего лишь отголосками. Завеса секретности отсекала картину происходящего на линии государственной границы, которая лежит от краевого центра, к примеру, на дистанции каких-нибудь сорока-пятидесяти километров.

Автор задался целью воскресить в динамичных картинах, в полнокровных насыщенных красках, в живых образах, через переживания, внутреннюю борьбу и конкретные поступки героев и персонажей реалии отдалённых времен, когда на

Дальнем Востоке становилась и утверждалась российская государственность. Писатель стремился показать, как это происходило на самом деле.

Член Союза писателей России Владимир Клипель, редактировавший книжный вариант «Амурских вёрст», замечает в послесловии к роману: результатом изысканий Наволочкина стали научно-биографические очерки, посвящённые первостроителю Хабаровска и дальневосточной границы капитану Дьяченко и декабристу Михаилу Бестужеву. Последнего каторга и ссылка, страшно приблизив к народу, научили умозранию и подвигли на действительно полезное России дело: он стал деятельным агентом частной Амурской компании, способствовавшей Муравьёву в заселении и освоении Приамурья.

Особое значение вклада Наволочкина в художественную писательскую практику заключается в том, что он, по сути, впервые ввёл в оборот имя Якова Васильевича Дьяченко, ранее неизвестное ни учёным, ни широкой читательской общественности.

«Амурские вёрсты» – историческое повествование, посвящённое важнейшему, переломному этапу в судьбах России – её выходу твёрдой государственной стопой через Приамурье и Приуссурье к берегам Тихого, или Восточного океана, как его называли в ту пору русские. Действие романа ограничено короткими временными и пространственными рамками. По времени – это отрезок, включающий в себя год 1857-й и год 1858-й (так, соответственно, называются первая и вторая части романа).

А по пространству действие повествования разворачивается в сравнительно узкой прибрежной полосе, преимущественно вдоль Амура, где русская государственность устанавливалась в XIX веке через активную пограничную политику, ставшую возможной в результате инициатив адмирала Невельского и генерал-губернатора Муравьёва, поддержанных государем императором Николаем Первым и завершившихся при Александре Втором.

Но политика эта, однако, осуществлялась в строгом соответствии с высочайшим указанием: «На Амуре чтоб порохом не пахло!»

Генерал-губернатор Муравьёв, имевший опыт службы в линейных войсках на Кавказе, правильно определил направление российской пограничной политики на Дальнем Востоке. Он обозначил национальную и государственную принадлежность земель вдоль Амура и Уссури, что стало возможным только одним способом: взять под вооружённую охрану осваиваемые территории.

Линейные батальоны шли первыми, обустривая станицы и пограничные посты. Следом за ними расселялись казаки. Главная функция вооружённых формирований на линии государственного размежевания – показ флага. В сущности, эта задача неизменно стоит и перед современными пограничными войсками.

Со времен Сергея Диковского, ставшего классиком пограничной темы, сложился своеобразный стереотип литературного героя – солдата границы. Его служба наполнена почти непрерывными стычками с нарушителями границы, опасными поединками, часто не на жизнь, а на смерть, с опытными и коварными злоумышленниками.

Так получилось, что Диковский, отображая в своих рассказах и повестях время, в котором жил, действительно писал о том, что видел. Обстановка на границе частенько обостряется.

И всё же главное в службе на границе – это не выстрелы в ночи и не схватки один на один с вооружённым до зубов противником. Это и не погоня по горячему следу за прорвавшейся из-за рубежа группой преступников...

Сложность нелёгкой работы пограничника как раз в том и состоит, чтобы при всегдашней, повседневной тишине на государственном рубеже, которая отличает высший, настоящий порядок, никогда не верить этому видимому покою и всегда быть в готовности и к бою с врагом, и к преследованиям нарушителей, и к поединкам с ними.

Автор романа «Амурские вёрсты», может, сам того не подозревая, раскрывает основную сущность повседневных будней стражников на линии государственной границы.

Деятельный генерал-лейтенант Муравьёв мирными сплавами осуществил по историческим меркам, можно сказать, молниеносное заселение края, и прежде всего – в его приграничной полосе, вооружённым народом – казаками. Русский флаг, показывающий национальную принадлежность новых территорий, был поднят.

А, как сказал государь император Николай Павлович, там, где он единожды был поднят, – никогда уже не может быть спущён. Особенности пограничной политики, проводимой Муравьёвым в Приамурье, заключаются в том, что граница оставалась открытой. Однако сопредельной стороне ясно и недвусмысленно давалось понять: русские вернулись в край основательно, прочно и взяли вновь обрётённые территории под вооружённую охрану.

Короткими выразительными штрихами рисует Николай Наволочкин образ, по сути, первого пограничного руководителя – генерал-губернатора Муравьёва, выдающегося государственного деятеля, опытного военачальника, искусного дипломата. Его портрет даётся с достоверной выразительностью, с бытовыми подробностями, раскрывающими как обаяние его личности, так и порою вздорные черты характера вельможи, облаченного огромной властью.

Если сильных мира сего писатель изображает как бы мимоходом, неким реальным историческим фоном, то рядовые участники великой дальневосточной эпопеи словно попадают у Николая Наволочкина под увеличительное стекло. Образы казаков-переселенцев, линейных солдат и их командиров обрисованы писателем выпукло, красочно и, если можно так выразиться, – узнаваемо.

Старого казака деда Ивана Мандрыку, мудрым своим простодушием покоряющего читателя с первых строк романа, никак не спутаешь с незадачливым добряком Михаилом Лаптем. Его трагикомичная история держит нас в напряжении вплоть до того момента, когда перевернутой окажется заключительная страница «Амурских вёрст». Герои Наволочкина симпатичны читателю, рождают в нём долгий отклик. С ними как бы вступаешь в неторопкое дружеское общение.

Игнат Тюменцев – линеец из Забайкалья. Его возлюбленная Глаша, ставшая жертвою несчастливо сложившихся обстоятельств, стойко, с мужеством настоящей русской женщины несёт свой нелёгкий крест.

Закадычный друг Михаила Лаптя-Лешего Кузьма Сидоров, летописец муравьевских сплавов Роман Кирикович Богданов, командиры линейных рот тринадцатого батальона офицеры Коровин, Прещепенко, Козловский, умеющие тянуть ляжку вместе со своими солдатами, проходят по страницам романа в многообразии жизненных коллизий и

перипетий. Они не ставят перед собою извечного, но, в сущности, праздного вопроса о смысле жизни. Но если бы напрямую их спросили, наверное, пожали бы плечами: «Смысл жизни? Кто его знает? Скорее всего, он заключается в самой жизни».

Таким же незамысловатым в поступках, в помыслах и словах своих раскрывается главный герой романа капитан Яков Васильевич Дьяченко, который, по сути дела, и обустроивал со своими подчинёнными дальневосточные рубежи.

И в научный, и в художественный оборот личность этого человека, приложившего руку к строительству на Амуре многих станиц и посёлков, основавшего здесь и Хабаровский пост, и Усть-Зейский (г. Благовещенск), ставших ныне большими городами, войдёт такую, какой её нашёл, увидел, нарисовал писатель и исторический исследователь Николай Дмитриевич Наволочкин.

Если взглянуть на образ Дьяченко исходя из облика его литературных предшественников, то, в сущности, нельзя не отметить линию преемственности общественной и художественной физиономики капитана с такими героями русской литературы, как майор (sic!) Тушин и поручик (sic!) Жилин Льва Толстого¹, Максим Максимыч Лермонтова, капитан Миронов Пушкина, генерал Серпилин Симонова.

В них нашли концентрированное выражение самые привлекательные национальные черты русского офицера.

Как правило, это выходцы из низов, люди небогатые, не имеющие за душою ни деревенек, ни капиталов. Как говорится, у них – ничего, кроме чести.

Пожалуй, лучше всего о таких людях, облачённых в военный мундир, сказал поручик Лермонтов, знающий толк в ратном деле:

Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам.

Яков Васильевич Дьяченко родовыми корнями своими уходит в казачью «старшинку», верховодившую в запорожских станах и куренях.

О «поповском» происхождении капитана говорит и сама фамилия – Дьяченко. У запорожцев родовых имен, передающихся от поколения к поколению, не было, как и вообще у русского народа. В основе родовых фамилий лежало «уличное» прозвище предка-основателя. Дьяченко с молоком матери впитал неприхотливость в бытовых запросах, высокую нравственную закваску, требующую полной самоотдачи на избранном поприще. Смыслом жизни Якова Васильевича Дьяченко было одно – служить государю, чтить Бога, защищать и укреплять Отечество.

Капитан Дьяченко так и не сделал карьеры. Его заслуги велики, но не получили должного признания в своё время. И сегодня в большом городе, первый дом в котором срубили солдаты его, Тринадцатого батальона, имя капитана Дьяченко носит всего лишь один не очень протяжённый переулок, на котором, кстати, стоит и писательский дом.

Казачий хутор Дьяченково, повелением Муравьёва поставленный при слиянии рек

1 В романе «Война и мир» Тушин – штабс-капитан. В рассказе «Кавказский пленник» звание Жилина не уточняется. – *Прим. сост.*

Кия и Усури, прекратил существование уже в конце XIX – начале XX веков.

Но первостроитель Хабаровска, воин, утвердивший русский флаг на берегах Амура и Усури, принадлежит к классу тех служаек, что словами Маяковского вполне могли бы сказать о себе: «Сочтёмся славою. Ведь мы свои же люди...»

Тянуть ляжку изо всех сил, жить заботами и чаяниями нижних чинов, делить с ними насущный хлеб пополам с трудовой солью – эти качества одного из первых пограничников Дальнего Востока, ох как могли бы пригодиться многим сегодняшним командирам и воспитателям воинов границы.

Дьяченко из тех, кто, как зеницу, лелеял честь и гордость линейных войск, призванных охранять и обустривать окраины империи. «Мы на переднем рубеже, за нами – Россия», – не уставал увещевать командир своих подчинённых, внушая и им особую гордость, взлелеянную принадлежностью к особому элитному роду войск. Эти крылатые слова не грех бы запомнить и нынешним защитникам дальневосточных рубежей России, которым Родина доверила самое святое – охранять свои границы.

А в завершение своего выступления на заочной конференции хочу отметить, что автор романа «Амурские вёрсты» Николай Дмитриевич Наволочкин впоследствии был награждён нагрудным знаком «Отличник погранвойск» I степени, а в первые годы третьего тысячелетия удостоился нагрудных знаков «Отличник погранслужбы» II и III степеней.

Так были отмечены заслуги писателя в военно-патриотическом, духовном воспитании пограничников Дальнего Востока.

С чего начиналось написание каждой исторической книги Николая Дмитриевича? Что подталкивало писателя к изучению тех или иных исторических событий, и в какие романы это в итоге вылилось? На эти вопросы отвечает Александр Чернявский. Беседа с Николаем Дмитриевичем, он узнавал разные интересные подробности творческого процесса.

Чернявский, А. Хранитель истории / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 1997. – 30 мая. – С. 1.

Всякий раз, когда Николай Дмитриевич Наволочкин встречается меня на улице или в другом месте по случаю общественного или писательского собрания, мы улыбаемся друг другу. Такое вот у нас взаимовосприятие, с улыбкой. А затем следуют вопросы. Он спрашивает о делах. Я спрашиваю об одном: как пишется, что пишется?

В начале нынешнего года писатель подарил мне новую книгу – «По особым поручениям». О её замысле он рассказывал несколько лет назад: собираю материал, роюсь в архивах, чрезвычайно увлекательно. Середина прошлого века – время энергичных деловых людей, осваивавших дальневосточную окраину России. Невельской, Муравьев, Венюков, Маак, Римский-Корсаков, Бошняк. Упомянул тогда Николай Дмитриевич имя декабриста Михаила Бестужева и других славных сынов России.

У писателя Наволочкина эта историческая тема доминирует: роман «Амурские вёрсты», «Забытая история», повести «По особым поручениям», «С кем поменяться судьбой». Хотя начинал он с книг о войне – еще в 1964 году он выпустил повесть «Шли солдаты» (sic!)[□], затем «Жди ракету». Немало написано для детей, например, «Знакомые кота Егора» или «Бор-Бос поднимает паруса».

У писателя неплохие отношения с юмором – «Были и небыли поселка Н.» названы «После дождичка... в среду».

Поселок Н. – его родная Николаевка на противоположном берегу Амура. Здесь родился, учился, уходил на войну. <...>

Все же главная книга у него – роман «Амурские вёрсты». Написана она на документальной основе и по сути своей воскрешает историю основания Приамурья и рождения города Хабаровска. Однажды он перечитывал книгу Венюкова «Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии» и встретил там фразу: «Здесь (в Хабаровске. – А. Ч.) работы под управлением того же Дьяченко шли очень успешно». Имя это тогда ему было известно: Дьяченко командовал батальоном, который заложил Хабаровку. И всё. Писатель взял папку и написал на ней «Дело Дьяченко». А потом были поиски – долгие годы. Со временем папка эта распухла от собранного материала. Он и стал основой для создания романа о людях 13-го линейного батальона.

После выхода книги один из переулков Хабаровска получил имя Дьяченко, а подвиг его соратников увековечен мемориальным знаком.

Над последней книгой Николай Дмитриевич работал долго (в ней две повести и очерк о Я. В. Дьяченко). Повесть «По особым поручениям» написана с использованием архивных документов, путевого журнала штабс-капитана М. С. Корсакова, состоявшего при генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве офицером по особым поручениям.

– Я хотел, кроме всего прочего, показать черты характера Корсакова, которые помешали бы Невельскому провести свои важнейшие для России исследования, будь он менее целеустремлен и настойчив.

В центре повести «С кем поменяться судьбой» – необычная, полная приключений судьба декабриста А. Луцкого (книга выпущена в 1996 году издательством краевой типографии РИО-ТИП).

<...>

Статья А. Григорьева дает представление о сборнике стихотворений «Обратная связь». Автор материала делится впечатлениями от стихов и исследует суть названия сборника.

Григорьев, А. И. Придумал, сразулюбив... / А. Григорьев // Тихоокеанская звезда. – 2000. – 14 июня. – С. 3.

Хабаровский писатель Николай Дмитриевич Наволочкин подарил мне недавно маленькую, в блокнот размером, книжечку. Бережно извлёк из кармана пиджака, сделал

дарственную надпись. На салатного цвета обложке – два слова: «Обратная связь». Под ней его стихи разных лет, вышедшие в свет накануне 55-летия Победы.

Писать стихи молодой солдат начал на войне. Самое высокое звание, которое он получил на фронте, – старший сержант. Так и подписывались его стихи в дивизионной газете. <...> стихи писались не всегда. Но протянулись они через всю его жизнь. В той подаренной мне книжечке есть и первые, фронтовые строки, и сегодняшние лирические размышления о человеческой жизни. Почему она названа так – «Обратная связь»?

– Недавно я нашёл в своем архиве уже забытые вырезки из фронтовой газеты со стихами, – говорит писатель. – И среди них стихотворение «Июнь 1944 года», которое напечатали за два дня до начала прорыва обороны противника в Белоруссии. В редакции стихотворению обрадовались и тут же исправили одну строку. У меня было: «Раздастся когда-то команда “Вперёд!”», а напечатали: «что скоро раздастся...». И гром наступления вскоре грянул. Обратная связь – все мы, кто выжил, в долгу на всю жизнь перед погибшими.

Нахожу в книжечке это фронтовое стихотворение. Писалось оно в недолгой передышке между боями, когда непривычная тишина позволяла видеть окружающее и удивляться: «землю нагретой, войною дыша, победное лето идет не спеша... спокоен, безлюден орешник густой... стволы у орудий закрыты листвой».

У тех, кто воевал, память напрямую, как у радистов, связана с прошлым. Война не забывается.

– То вдруг она забывается, то вдруг восстанавливается обратная связь, и вспоминается или что-то тяжёлое, или приходят в память яркие картины стремительного наступления, – размышляет писатель.

Трель телефона за стеной у сегодняшнего соседа напоминает поэту прошлое: «... будто мне после боя друг мой Лёнька Просвирин зуммерит, зуммерит... Будто это с войною, через годы со мною, восстановлена связь».

Фронтовая тетрадь поэта проста, бесхитростна, ясна: там, на войне, были жизнь и смерть, радости и печали, любовь и надежды.

Весьма неожиданным аккордом, подборкой новых стихов заканчивается книжечка Наволочкина. Это трепетная лирика о человеческих чувствах, возникающих под высоким светом любви. «Женщину, как для стихов мотив, я придумал, сразу полюбив...»

Точно сказано кем-то: не стареют душой ветераны.

Литература

1. Абдрашитов, А. Капитан Дьяченко – страж земли российской / А. Абдрашитов // Пограничник – это судьба. – Хабаровск, 2003. – С. 36–41.
2. Александровский, В. Добрый свет слова / В. Александровский // Тихоокеанская звезда. – 1983. – 5 янв. – С. 2.
3. Бобрикова, Ю. В. Все о Бабе-яге / Ю. Бобрикова // Словесница искусств. – 2012. – № 1. – С. 9–10.

4. Вёрсты Наволочкина. Н. Наволочкину 70 лет // Приамурские ведомости. – 1993. – 6 янв. – С. 1.
5. Глебова, Е. Любимый край, отцовский кров... / Е. Глебова // Словесница искусств. – 2008. – № 21–22. – С. 47–49.
6. Гран, П. Ваша светлость! / П. Гран // Хабаровские вести. – 2001. – 6 апр. – С. 5.
7. Гребенюков, А. Николай Наволочкин: «Народ наш доверчив и прост» / А. Гребенюков // Приамурские ведомости. – 1996. – 17 апр. – С. 2.
8. Григорьев, А. И придумал, сразу полюбив... / А. Григорьев // Тихоокеанская звезда. – 2000. – 14 июня. – С. 3.
9. Дерило, М. Свет долгих лет / М. Дерило // Хабаровские вести. – 2003. – 4 января. – С. 4.
10. Зачеса, А. Вызывали огонь на себя / А. Зачеса // Молодой дальневосточник. – 2010. – № 18. – С. 3.
11. Иголинский, Д. Непреходящая ценность труда талантливого писателя / Д. Иголинский // Приамурские ведомости. – 2016. – 24 февраля. – С. 16.
12. Кабушкин, Н. Видеть чудо жизни / Н. Кабушкин // Избранное в 3-х томах. Т. 3 / Н. Д. Наволочкин. – Хабаровск, 2015. – С. 313–314.
13. Казарчук, Г. Николай Наволочкин : «Горжусь званием сержант!» / Г. Казарчук // Амурский меридиан. – 2009. – 13 мая. – С. 24.
14. Костюк, Н. Имени Николая Наволочкина / Н. Костюк // Тихоокеанская звезда. – 2007. – 11 август. – С. 3.
15. Край замечательных людей. 2 сентября. Выпуск 31 // История и культура Приамурья. – 2013. – № 2. – С. 64–66.
16. Красноштанов, С. Грани таланта / С. Красноштанов // Тихоокеанская звезда. – 1973. – 4 янв. – С. 56.
17. Кугушев, Л. Бесконечен бег амурских вёрст / Л. Кугушев // Приамурские ведомости. – 1998. – 6 января. – С. 1.
18. Кузнецова, Е. Ф. Добрый свет таланта / Е.Ф. Кузнецова, О. А. Ракова // Культура и наука Дальнего Востока. – 2018. – № 1. – С. 18–23.
19. Лобанова, А. А. Традиционность и самобытность образа кота Егора в повести Н. Д. Наволочкина «Каникулы кота Егора» / А. А. Лобанова // Культура и наука Дальнего Востока. – 2018. – № 2. – С. 147–150.
20. Марков, И. Прощание с легендой / И. Марков // Молодой дальневосточник. – 2013. – 25 сент. – 2 окт. – С. 3.
21. Медведева, С. Н. Мой отец Николай Наволочкин / С. Н. Медведева // Культура и наука Дальнего Востока. – 2018. – № 1. – С. 12–17.
22. Мезенцев, Р. Четверг, семь вечера / Р. Мезенцев // Молодой Дальневосточник. – 1967. – 1 октября. – С. 4.
23. Миланич, Л. Его душа, его уроки всегда с нами / Л. Миланич // Наволочкин Н. Д. Избранное в 3-х томах. Т. 1 / Н. Д. Наволочкин. – Хабаровск, 2015. – С. 7–12.
24. Миланич, Л. Обратная связь / Л. Миланич // Дальний Восток. – 2014. – № 1. – С. 208–211.
25. Наволочкин Николай Дмитриевич // Писатели Дальнего Востока : биобиблиографический справочник. Вып. 2 / Хабаровская краевая универсальная научная библиотека. – Хабаровск, 1989. – С. 220–223.
26. Николашина, А. Незаносчивое слово, в котором тайная беда / А. Николашина // Дальний Восток. – 2003. – № 1. – С. 182–184.
27. Рогаль, Н. Писатель-коммунист / Н. Рогаль // Дальний Восток. – 1973. – № 1. – С. 152.
28. Русскова, В. Амурские вёрсты Николая Наволочкина / В. Русскова // Приамурские

- ведомости. – 2003. – 9 янв. – С. 6.
29. Сергодеева, Т. Мечта – это на всю жизнь / Т. Сергодеева // Молодой дальневосточник. – 1977. – 23 марта. – С. 3.
30. Черникова, Е. Дневник его памяти / Е. Черникова // Хабаровские вести. – 2013. – 4 янв. – С. 5.
31. Черникова, Е. Он жил среди нас / Е. Черникова // Хабаровские вести. – 2013. – 2 окт. – С. 3.
32. Чернявский, А. Версты любви : беседа с Н. Д. Наволочкиным / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 1998. – 3 янв. – С. 7.
33. Чернявский, А. В поисках клада / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2014. – 13 августа. – С. 3.
34. Чернявский, А. ...Вызывал огонь на себя / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2016. – 7 мая. – С. 2.
35. Чернявский, А. Дневник его памяти / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2008. – 3 янв. – С. 5.
36. Чернявский, А. И грустные трубы трубят // Чернявский А. Г. ...И не забудет новый век (Портреты без автографов) : очерки разных лет / А. Г. Чернявский. – Хабаровск : Издательство «РИОТИП», 2001. – С. 195–198.
37. Чернявский, А. Наволочкин возвращается / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2015. – 29 дек. – С. 3.
38. Чернявский, А. Сюжеты из старой папки и «мадам Клико» из тайника / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2003. – 9 января. – С. 2.
39. Чернявский, А. Хранитель истории / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 1997. – 30 мая. – С. 1.
40. Я тоже был маленьким // Расту с Хабаровском. – 2013. – № 1 (17). – С. 4–5.

